

С.П. Карпов

## ОБРАЗОВАНИЕ ТРАПЕЗУНДСКОЙ ИМПЕРИИ (1204–1215 гг.)

Образование Трапезундского государства почти одновременно со взятием Константинополя крестоносцами в апреле 1204 г. было не одномоментным и не простым событием. Разные силы внутри империи и вне ее пытались существенно модифицировать как сам тип возникающего государства (универсалистская монархия, буферное княжество или региональное, собственно понтийское образование), так и его внешнеполитическую ориентацию.

Обратимся вначале к историографии проблемы, насчитывающей несколько столетий. В ней выделяется ряд основных проблем: 1. Была ли Трапезундская империя преемницей Византии, ее институтов и порядков, и если да, то в какой степени? 2. Какую роль сыграла Грузия в основании империи? 3. Какие внутренние силы способствовали процессу децентрализации Византии? 4. В какой степени образование Трапезундской империи связано с IV Крестовым походом? 5. Какие задачи ставили перед собой основатели и первые правители нового государства? Каким образом они оформляли идеологически свой суверенитет и на какие традиции при этом опирались? Помимо этих, более общих тем, научная литература затрагивала и многие частные сюжеты.

Три первые проблемы рассматривались чаще всего во взаимной связи. Еще до того, как стали известны основные источники по начальной истории Трапезундской империи (“Хроника” Михаила Панарета, “Картлис Цховреба”, речи Николая Месарита и др.), представления о ней были крайне неполными, а то и просто фантастическими<sup>1</sup>. Много сделавший для сбора и систематизации сведений византийских историков Шарль Дюканж считал, тем не менее, что Алексей I Комнин управлял Колхидой или Трапезундской провинцией еще при Ангелах с титулом дуки и получил самостоятельность после падения Константинополя в 1204 г.<sup>2</sup> Этот взгляд получил свое полное оформление в “Истории упадка и разрушения Римской империи” Э. Гиббона<sup>3</sup>, был подхвачен в истории Византии Ш. Лебо и М. Броссе, где было добавлено, что константинопольские императоры ежегодно назначали в Трапезунд губернатора-дуку<sup>4</sup>. Однако знание Броссе “Картлис Цховреба” (которую он впервые перевел на французский язык) позволило ему ввести новый компонент: помощь ивирского наемного войска и сторонников династии Комнинов удалившимся

<sup>1</sup> См. о них подробнее: *Vasiliev A.A. The Empire of Trebizond in History and Literature // Byz. 1940–1941. T. XV. Fasc. 1. P. 318–322.*

<sup>2</sup> *Ducange du Fresne Ch. Historia byzantina duplici commentario illustrata, prior familias ac stemmata imperatorum Constantinopolitanorum, cum eorundem Augustorum nomismatibus... P., 1680. P. 192.*

<sup>3</sup> Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. М., 1886. Ч. VII. С. 11–12.

<sup>4</sup> *Lebeau Ch. Histoire du Bas-Empire. Nouvelle éd., augmentée d'après les historiens orientaux par M. de Saint Martin et continuée par M. Brosset. P., 1835. T. 17. P. 254.* Поводом для таких построений могла быть фраза армянского историка начала XIV в. Гетума (Гайтона), относящаяся, видимо, к византийскому периоду истории Понта, о том, что константинопольский император назначал в Трапезунд губернаторами дук. Один из них, продолжал Гетум, восстал и, захватив власть в Трапезунде, сам стал называться императором. Здесь содержится, вероятно, провизантийская версия событий. См.: *Hayton. La Flor des Estoires de la Terre d'Orient // RHC, DA. 1906. T. 2. P. 133; cp.: Mandeville's Travels. Texts and Transl. by M. Letts. L., 1953. T. 1. P. 104; T. 2. P. 311.*

на Понт после свержения Андроника его внукам Алексею и Давиду, основавшим независимое государство<sup>5</sup>.

Первую обоснованную и фундированную им же открытыми новыми источниками концепцию образования Трапезундской империи выдвинул Я.Ф. Фальмерайер (1790–1861). Немецкий ученый пришел к выводу, что к образованию империи привели внутренние закономерности: обитатели Понта издавна тяготели к самостоятельности и образованию “торговых республик”, чему препятствовала правящая клика константинопольских богачей, “чьими интересами и ненасытным корыстолюбием распатывалась империя и истощались силы подданных”<sup>6</sup>. По мнению Фальмерайера, империя основывается, дабы отстоять независимость жителей равным образом и от посягательств Константинополя, и от грабительских набегов туркменов и сельджуков, и для защиты от притязаний грузин. Но как только трапезундские правители пытались ставить более широкие задачи, они неизменно теряли активную поддержку своих подданных, которые, однако, в силу упадка эллинского воинского духа, сами не были в состоянии оказать сопротивление честолюбию и гегемонизму своего нового монарха<sup>7</sup>. Прямую преемственность от Византии Фальмерайер видел лишь в том, что вместе с Алексеем I на Понт прибыла группа византийской знати, чужеродной местному населению и поддерживавшей в императоре продолжателя византийских традиций<sup>8</sup>. Для обоснования своих положений Фальмерайер привел экскурс о давнем сепаратизме Понтийской области<sup>9</sup>. Исходя из неверно установленной даты смерти царицы Тамар (1202 г.), Фальмерайер фактически отрицал какое-либо грузинское влияние в образовании империи, а известные сведения “Картлис Цховреба” относил к более раннему времени, считая поход грузинского отряда грабительским набегом<sup>10</sup>. Данные Панарета о том, что Алексею I оказала помощь его тетка по отцу Тамар, Фальмерайер истолковал как свидетельство о некоей грузинской родственнице Комнинов, но не о царице Грузии<sup>11</sup>. Фальмерайер через широкое изучение разнообразных источников впервые поставил вопрос об образовании Трапезундской империи на научную основу. Он наметил линию изучения через рассмотрение внутренних закономерностей развития Понта. Им было также отмечено, что необходимость образования империи стимулировалась внешнеполитической ситуацией. Однако Фальмерайер не понял роль Грузинского царства в этом процессе и недооценил глубокой внутренней связи византийской и трапезундской культур, включая и государственные институты.

Все последующие историки Трапезунда не могли пройти мимо основных положений Фальмерайера, и хотя отдельные построения немецкого ученого пересматривались, многие исследователи на себе испытали влияние этого труда. Это характерно и для Дж. Финлея, который, однако, в противоположность своему предшественнику, отрицая закономерность образования государства на Понте, считал, что все величие этой империи существует лишь в романах и никакой необходимости в ее создании не было<sup>12</sup>. Порожденная тенденциозным панэллинизмом автора (понимае-

<sup>5</sup> Lebeau Ch. Histoire... Т. 17. Р. 254, 256.

<sup>6</sup> Fallmerayer J.-Ph. Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München, 1827 (repr.: Hildesheim, 1964).

<sup>7</sup> Ibid. S. 55–56.

<sup>8</sup> Ibid. S. 47–48.

<sup>9</sup> Ibid. S. 17–22.

<sup>10</sup> Ibid. S. 23–27, ср.: S. 48, 59.

<sup>11</sup> Ibid. S. 41–42. См. также: Pfaffenhoffen F., de Essai sur les aspres comnénants, ou blanc d'argent de Trébizonde. P., 1847. Р. 19–20; П. Медовиков считал Тамар дочерью Андроника I, спасшей своих племянников, отвезя их в Колхиду (Медовиков П. Латинские императоры в Константинополе. М., 1849. С. 79).

<sup>12</sup> Finlay G. The History of Greece from its Conquest by the Crusaders to its Conquest by the Turks and of the Empire of Trebizond 1204–1461. Edinburgh; London, 1851; Finlay G. A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time. B.C. 146–to A.D. 1864. Oxford, 1877. Т. IV. Р. 307–308. Подобные суждения см. также: Fischer W. Trapezunt und seine Bedeutung in der Geschichte // Zeitschrift für allgemeine Geschichte. 1886. Bd. 3. S. 25–26; Крымский А.Е. История Турции и ее литературы. М., 1910. Ч. 1. С. 100.

мым как поступательное движение “эллинского духа”), а также неразработанностью в его время экономической истории Понта, такая концепция давно была критически пересмотрена<sup>13</sup>. Финлей продолжил линию на отрицание позитивной роли Грузии в основании империи, утверждал, что братья Комнины бежали в Колхиду лишь накануне захвата Константинополя крестоносцами, в 1203–1204 гг.<sup>14</sup> Единственным оправданием независимости империи Финлей считал мусульманскую угрозу, консолидирующую понтийский регион вокруг Трапезунда<sup>15</sup>.

Новую струю в разработку проблемы внес акад. А.А. Куник, написавший первую специальную работу об основании Трапезундской империи<sup>16</sup>. Отметив давние следы сепаратизма, А.А. Куник убедительно доказал, сравнив тексты “Трапезундской хроники” Панарета и “Картлис Цховреба”, что именно грузинская царица была инициатором похода 1204 г.<sup>17</sup> Это объяснялось желанием Тамар устроить сильное христианское государство на Босфоре и в Малой Азии для борьбы с сельджуками<sup>18</sup>. Для обоснования положения о роли Грузии А.А. Куник обратился к генеалогическим связям Комнинов и Багратидов<sup>19</sup>. Куник отметил весьма примечательное именование в “Картлис Цховреба” сына Андроника I Алексея “близким родственником Тамары”<sup>20</sup>. По его мнению, существовали возможные альтернативы: либо сестра Тамар была женой Мануила, сына Андроника I, тогда грузинская царица – действительно тетка Алексею и Давиду, но не по отцу, как писал Панарет, а по матери<sup>21</sup>, либо, вероятнее, первая супруга Андроника I была родственницей матери царицы Тамар<sup>22</sup>. Вопрос был поставлен Куником, но не решен из-за скудости источников. Куник первым предположил, что еще детьми потомки Андроника после 1185 г. попали в Грузию, откуда и совершили поход 1204 г.<sup>23</sup>

<sup>13</sup> См. критику в работах: *Успенский Ф.И.* Трапезунтская империя // *Анналы.* 1924. № 4. С. 20; *Vasiliev A.A.* The Empire... P. 341.

<sup>14</sup> *Finlay G. A History...* P. 317–318. Это мнение разделяли: *Ioannides S.* Ιστορία και στατιστική της Τραπεζούντας και της περί ταύτην χώρας. Εν Κωνσταντινουπόλει, 1870. Σ. 48, 50–51; *Fischer W.* Trapezunt und seine Bedeutung... S. 23; *Герцберг Г.Ф.* История Византии. М., 1897. С. 565; *Miller W.* Trebizond. The Last Greek Empire. L., 1926. P. 14; *Karolidis P.* Βυζάντιον–Αρμενία–Ιβηρία (Γεωργία) // *ΕΕΒΣ.* 1929. Τ. 6. P. 20–21. Not. 2.

<sup>15</sup> *Finlay G. A History...* P. 371.

<sup>16</sup> *Куник А.А.* Основание Трапезундской империи в 1204 г. // *УЗ имп. АН по I и III отделениям.* 1854. Т. 2. С. 705–733.

<sup>17</sup> Там же. С. 724–725.

<sup>18</sup> Там же. С. 727–728; ср.: *Джанашивили М.Г.* Царица Тамара. Тбилиси, 1900. С. 59 и примеч. 19.

<sup>19</sup> *Куник А.А.* Основание... С. 708–711; *Он же.* О грузинском происхождении бабушки первого трапезундского царя // *УЗ имп. АН по I и III отделениям.* 1854. Т. 2. С. 788.

<sup>20</sup> *Куник А.А.* Основание... С. 719–720.

<sup>21</sup> Там же. С. 713. Примеч. 8. Эту точку зрения разделяли: *Гельцер Г.* Очерк политической истории Византии // *Очерки по истории Византии / Под ред. В.Н. Бенешевича.* СПб., 1912. Вып. 1. С. 170; *Bréhier L.* Vie et mort de Byzance. P., 1947. P. 373; *Melikoff I.* Géorgiens. Turcomans et Trébizonde: notes sur le “Livre de Dede Korkut” // *Bedi Kartlisa.* 1964. Т. 17/18. P. 19–20.

<sup>22</sup> *Куник А.А.* О грузинском происхождении... С. 788. Куник обратил также внимание на редкие для византийских Комнинов преномы Давид и Георгий, которые, напротив, часто встречались у Багратидов: *Он же.* Основание... С. 718–719. См. также, *Vasiliev A.A.* The Foundation of the Empire of Trebizond (1204–1222) // *Speculum.* 1936. Vol. II. Fasc. 1. P. 5. *Bryer A.* Trebizond: the Last Byzantine Empire // *History Today.* 1960. Т. 10. N 2. P. 129.

<sup>23</sup> *Куник А.А.* Основание... С. 723. В дальнейшем это мнение было развито или принято в трудах: *Hopf K.* Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit // *Ersch J.S., Gruber G.* Allgemeine Encyclopädie. Leipzig, 1867. Bd. 85. S. 209–210; *Gerland E.* Geschichte des lateinischen Kaiserreiches von Konstantinopel. Homburg, 1905. Bd. 1. S. 34–35; *Гельцер Г.* Очерк... С. 170; *Безобразов П.В.* Трапезунт, его святыни и древности. Пг., 1916. С. 4–5; *Успенский Ф.И.* Очерки из истории Трапезунтской империи. Л., 1929. С. 29–30; *Он же.* История Византийской империи XI–XV вв. М., 1997. С. 479; *Vasiliev A.A.* The Foundation... P. 9–12; *Laurent V.* Sceau inédit de David Comnène, libérateur du Pont et co-fondateur de l'empire de Trébizonde // *АП.* 1954. Т. 19. С. 156; *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов Малой Азии // *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. М., 1960. Т. 1. С. 56–57; *Бердзенишвили Н.А., Дондуа В.Д., Думбадзе М.К., Меликишвили Г.А., Месхиа Ш.А.* История Грузии. Тбилиси, 1962. Т. 1. С. 204; *История Византии.* М., 1967. Т. 3. С. 46; *Vryonis Sp.* Byzantium and Europe. L., 1967. P. 181; *Ostrogorsky G.* History of the Byzantine State. Revised ed. New Brunswick, 1969. P. 426; *Janssens E.* Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969. P. 61; *Salia K.* Quelques pages de l'histoire de Géorgie // *Bedi Kartlisa.* 1971. Т. 28. P. 181; *Ангелов Д.* История на Византия. 1204–1453. Трета част. 4 изд. София, 1972. С. 16; *Берадзе И.И.* К вопросу основания Трапезундской империи. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.). С. 14–18.

Меньше внимания Куник уделил внутренним причинам консолидации Понтийских областей. По его мнению, в Малой Азии Комнины принимали с радостью лишь потому, что альтернативой им была власть одинаково ненавистных франков или сельджуков<sup>24</sup>.

А.А. Куник побудил ученых обратиться к вопросу о роли Грузии в основании империи. Многие, преимущественно греческие, исследователи не приняли его положений, по-прежнему настаивая на ведущей роли выходцев из Константинополя, византийских воинов и мобилизованных местных жителей Пафлагонии и Понта. Учитывались (по Хониату) и лазы, но лишь как наемные отряды<sup>25</sup>. В отечественной историографии, напротив, теория о доминирующей роли Грузии заняла прочное место<sup>26</sup>.

В развернувшейся полемике английский историк У. Миллер, автор следующей монографии по истории Трапезундской империи, принял компромиссную позицию, считая оба фактора – грузинскую помощь и поддержку местного населения одинаково важными<sup>27</sup>. Но Миллер не создал цельной концепции образования империи, как это сделал выдающийся русский византист акад. Ф.И. Успенский. Тщательно изучив предпосылки образования империи, конкретные следы сепаратизма, Ф.И. Успенский поставил вопрос: представляла ли Трапезундская империя продолжение и естественную эволюцию византизма, или она – самостоятельное образование с другими целями?<sup>28</sup> Так был сформулирован важный вопрос о роли византийского наследия при сложении Трапезундского государства. Но причины обособления Трапезунда и его округа Успенский видел не в эволюции “византизма”. Анализируя пестрый этнический состав населения, исследователь считал, что греки, притом усвоившие лишь внешние формы эллинизма, составляли менее половины населения. Главнейшее место на востоке принадлежало лазам, на западе – тцанам и армянам<sup>29</sup>. Сам правящий класс, кроме небольшой греческой прослойки, прибывшей из Константинополя в XII–XIII вв., состоял из грузинских, лазистанских и армянских элементов. Поэтому, заключал Успенский, образование империи прямо противоречило интересам эллинизма, группировавшегося вокруг Никеи<sup>30</sup>. Ф.И. Успенский противопоставлял местные греческие и негреческие элементы господствующего класса, боровшиеся за власть. Первые постоянно усиливались притоком из Константинополя (сведений о такой массовой эмиграции в источниках нет) и стали доминировать с середины XIV в.<sup>31</sup> Автор признавал, что Трапезундская империя с экономической стороны, при всех местных особенностях, являла собой аналог Византии<sup>32</sup>. И все же, для Успенского основание империи – эпизод в борьбе Грузии за преобладание в Восточном Причерноморье, продолжение Тамарой политики своего отца, чьи войска доходили до Эрзерума и Трапезунда<sup>33</sup>.

<sup>24</sup> Куник А.А. Основание... С. 729; *Ioannides S. Ιστορία...* P. 52; *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 366.

<sup>25</sup> Свидетельство Никиты Хониата о наемниках с Фасиса (см. ниже) рассматривалось в этом случае обособленно от “Хроники” Панарета или “Картлис Цховреба” (при этом грузинские источники нередко вовсе игнорировались). См., например, *Ioannides S. Ιστορία...* P. 52–53; *Meliarakes A. Ιστορία της Νικαίας και του Δεσποτάτου της Ηπείρου* (1204–1261). Athenai, 1898, P. 44.

<sup>26</sup> См., например *Васильевский В.Г.* Труды. Пг., 1915. Т. 3. С. CLXXVII–CLXXVII; *Джанашвили М.Г.* Царица Тамара. С. 15; *Крымский А.Е.* История Турции... С. 4–5; *Безобразов П.В.* Трапезунт... С. 4–5 и др. работы (см. ниже).

<sup>27</sup> *Miller W. Trebizond...* P. 15.

<sup>28</sup> *Успенский Ф.И.* Выделение Трапезунда из состава Византийской империи // *Seminarium Kondakovianum*. 1927. Т. 1. P. 21.

<sup>29</sup> *Успенский Ф.И.* Трапезунтская империя. С. 29–31.

<sup>30</sup> Там же. С. 26. Создание Трапезундской империи Успенский рассматривал через призму процессов децентрализации Византии и неспособности ее господствующего класса цементировать разноплеменный состав державы ромеев: *Успенский Ф.И.* История Византийской империи XI–XV вв. М., 1997. С. 295.

<sup>31</sup> *Успенский Ф.И.* Очерки... С. 140.

<sup>32</sup> *Успенский Ф.И., Бенешевич В.Н.* Вазелонские акты. Л., 1927. С. LXXXVII, LXXXIX.

<sup>33</sup> *Успенский Ф.И.* История... С. 479–480.

Ф.И. Успенский продвинул изучение проблемы значительно вперед, видя истоки образования империи не только во внешних условиях, но и в этнических особенностях Понта, внутренних закономерностях его развития. Но Успенский схематизировал проблему, сведя ее в основном к борьбе эллинских и неэллинских начал. Его представление о “греческой партии” только как о выходцах из Константинополя принципиально неверно и игнорирует местную греческую понтийскую городскую и землевладельческую элиту и активную роль греков-понтийцев в целом. Правда, Успенский пытался показать, что оплотом греческого влияния были города, но не развернул доказательств. Ф.И. Успенский, вслед за А.А. Куником, наметил путь изучения истории Трапезундской империи в тесной связи с Кавказом и Востоком. Именно по этому пути пошел А.А. Васильев. Вопросом № 1 при создании империи автор считал роль Грузии, давние династические связи грузинских Багратидов и византийских Комнинов<sup>34</sup>. А.А. Васильев полагал, что первая жена Андроника I была грузинской царевной<sup>35</sup>. Исследовав предшествующую историографию, Васильев примкнул к той точке зрения, что Алексей и Давид были привезены в Грузию сразу после 1185 г. Получив здесь воспитание и усвоив грузинский язык, они стали послушным орудием в политике грузинской царицы, чьи планы не простирались до Константинополя, но питались лишь враждой к Ангелам<sup>36</sup>. А.А. Васильев не уделил никакого внимания внутренним закономерностям образования империи, не показал те силы, опираясь на которые Комнины могли стать во главе государства. С другой стороны, называя империю “греческой”, А.А. Васильев совсем не остановился на преемственности от Византии, лишь отметив, что жители Понта, якобы, охотно приняли близкую им династию (владения которой лежали и на Понте, и в Пафлагонии) и что при восстановлении монархии Комнинов сохранялся ореол законности<sup>37</sup>. Постановкой проблемы статья Васильева уступает работам Успенского, но в ней впервые был собран почти весь материал, касающийся образования Трапезундской империи, известный в то время.

После появления труда Васильева в историографии особенно четко наметились два направления: продолжение и развитие взглядов Куника–Успенского–Васильева и попытка их ревизии, доказательства первостепенной важности византийского “континуитета”. По первому пути шли разыскания. К. Туманова о степени родства Алексея и Давида Комнинов с Тамар. Туманов предположил, что определение Тамар у Панарета как тетки Алексея I по отцу следует понимать шире: как двоюродное родство по отцовской линии. Туманов присоединился к суждению о существовании грузинской жены Андроника I, но считал ее скорее сестрой отца Тамар, Георгия III<sup>38</sup>.

Положения Куника–Васильева о ведущей роли Грузинского государства в основании Трапезундской империи заимствовались и развивались в ряде трудов отечественных и иностранных медиевистов<sup>39</sup>. М.Д. Лордкипанидзе, например, обратила

<sup>34</sup> Vasiliev A.A. The Foundation... P. 4–6, 14, 18–20.

<sup>35</sup> Ibid. P. 5.

<sup>36</sup> Ibid. P. 9–12, 17–18.

<sup>37</sup> Ibid. P. 3, 7.

<sup>38</sup> Toumanoff C. On the Relationship between the Founder of the Empire of Trebizond and the Georgian Queen Tamar // *Speculum*. 1940. T. 15. N 3. P. 299–312; *Idem*. Armenia and Georgia // *The Cambridge Medieval History*. Vol. IV. The Byzantine Empire. Cambridge, 1966. Part 1. P. 624. О матримониальных связях Великих Комнинов и грузинских Багратидов см. также: Toumanoff C. Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de la Causase chrétienne. Arménie – Géorgie – Albanie. Rome, 1976; Kuršanskis M. Relations matrimoniales entre Grands Commènes de Trébizonde et princes géorgiens // *Bedi Kartlisa*. 1976. T. XXXIV. P. 112–127; *Idem*. L'Empire de Trébizonde et la Géorgie // *REB*. 1977. T. 35; Vajay S., de. Essai chronologique à propos de la famille du Grand Commène Manuel, 1238–1263 // *BF*. 1979. Bd. 6. S. 281–291.

<sup>39</sup> Левченко М.В. История Византии. Краткий очерк. М.–Л., 1940. С. 234; *Он же*. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 500; История Византии. Т.3. С. 46, 48; Бердзенишвили Н.А. и др. История Грузии. Т. 1. С. 203–204; Каухчишвили С.Г. Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии. Тбилиси, 1967. Т. 7. С. 163 (на груз. яз.); Лордкипанидзе О. К вопросу о возникновении Трапезундского царства // Сб. науч. работ студентов Тбилисского ГУ. Тбилиси, 1953. С. 145–170 (на груз. яз.); Берадзе И.И. К вопросу основания...; Allen W.E.D. A History of the Georgian People. L., 1932. P. 108; Melikoff I. Géorgiens: P. 19–20; Salia K. Quelques pages ... P. 183; Лордкипанидзе М.Д. История Грузии XI – начала XIII в. Тбилиси, 1974. С. 161.

внимание на то, что Грузия могла после 1204 г. претендовать на роль наследницы Византии на Востоке. В период Тамар ориентация на византийскую культуру грузинского двора была особенно сильной, и образование Трапезундской империи стоит в связи с этой политикой Грузии<sup>40</sup>.

Наряду с признанием ведущей роли Грузии в создании Трапезундской империи со все большей силой звучала и противоположная точка зрения. В наиболее резкой форме она впервые была высказана в рецензии Н. Йорги на упомянутую статью А.А. Васильева. Сочтя сомнительными отношения юных Комнинов с Грузией до 1204 г., рецензент указывал, что во взятии Трапезунда надо видеть не грузинскую акцию, но действия эмигрантов из Константинополя при поддержке сторонников Комнинов изнутри Трапезунда. Васильев на ложном пути, писал румынский ученый, приписывая Тамаре ту роль, которую она никогда не играла: в дальнейшем Грузия выступала лишь как враг и соперник<sup>41</sup>.

О. Лампсидис также ставил основание Трапезундской империи в прямую связь с судьбой Византии, считая, что с 1204 г. "территория государства Великих Комнинов непосредственно зависела от Византии, так же, как и его цивилизация и население"<sup>42</sup>. О. Лампсидис уделил много места критике положений Васильева, считая жизнь двух царевичей при грузинском дворе недоказанной, а их бегство относящимся лишь к июлю 1203 г., времени IV Крестового похода, следствием которого он и считал образование империи. Стремясь преуменьшить роль помощи из Грузии, греческий ученый искал начало похода не в Ивирии, а в каком-то порту, недалеко от Трапезунда и Колхиды, куда бежали Комнины. Лампсидис подробно проанализировал все возможные родственные связи между домом царицы Тамар и Великими Комнинами и все существующие на этот счет гипотезы. Ни одну из них он не считал убедительной<sup>43</sup>. Он также отрицал, что образование империи было следствием политики Тамары, как и вообще значение Грузии. В качестве аргумента он приводил ослабление трапезундско-грузинских связей после смерти Тамар (1212 г)<sup>44</sup>.

О прямой преемственности Трапезундской империи от Византии писали Д. Закифинос, А. Вакалопулос, Д. Никол<sup>45</sup>, М. Куршанскис<sup>46</sup>, Э. Брайер<sup>47</sup>. Автор последней обобщающей монографии по истории Трапезунда Э. Жансан не высказал своего мнения столь же непосредственно. Однако фактически он разделял взгляды вышеназванных исследователей<sup>48</sup>.

От решения в историографии трех основных проблем вытекал и подход к производным – было ли образование империи связано непосредственно с IV Крестовым походом и какие задачи ставили перед собой основатели государства? Большинст-

<sup>40</sup> Лордкипанидзе М.Д. О византино-грузинских культурных взаимоотношениях VII–XIII вв. // Византийские очерки. М., 1982. С. 160, 179.

<sup>41</sup> Iorga N. Une nouvelle théorie sur l'origine et le caractère de l'empire de Trébizonde // Revue historique du Sud-est européen. 1936. T. 13. P. 173–175; *Idem*. Histoire de la vie byzantine. Empire et civilisation. Bucarest. 1934. Vol. 3. P. 104.

<sup>42</sup> Lampsides O. Où en sommes-nous de l'histoire des Grands Comnènes? // Actes du XIIe Congrès Int. d'Études Byzantines. Beograd, 1964. T. 2. P. 165.

<sup>43</sup> Lampsides O. Περί την ίδρυσιν του κράτους τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν // ΑΠ. 1971–1972. T. 31. Σ. 4–17.

<sup>44</sup> Μιχαήλ τοῦ Παναρέτου Περί τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν / Ekd. O. Lampsides // ΑΠ. 1958. T. 22. (Далее: Panaretos). P. 110–114.

<sup>45</sup> Zakythinos D.A. Le despotate grec de Morée. T. 2: Vie et institutions. Athènes, 1953. P. 379; Vacalopoulos A. Origins of the Greek Nation. The Byzantine Period. 1204–1461. New Brunswick, 1970. P. 222; Nicol D.M. The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453. 2nd ed. Cambridge, 1993. P. 16, 401–402.

<sup>46</sup> Kuršanskis M. Autour des sources géorgiennes de la fondation de l'empire de Trébizonde // ΑΠ. 1970–1971. T. 30. P. 107–116; *Idem*. L'Empire... P. 246–247.

<sup>47</sup> Bryer A. Trebizond... P. 130; *Idem*. Some Notes on Laz and Tzan. I–II // Bryer A. Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus, 800–1900. London: Variorum Reprints, 1988. N XIVa, XIVb. P. 179–180 (отмечал неустойчивость грузинского влияния и культурную традицию от Константинополя, не Тбилиси).

<sup>48</sup> Janssens E. Trébizonde... P. 65–67.

во историков, сторонников “византийского континуитета”, естественно связывало основание понтийского государства с разрушительными для Византии последствиями IV Крестового похода. Примечательно, что так смотрели на проблему сами византийские писатели XIII–XIV вв. Никита Хониат прямо выводил образование новых греческих государств из катастрофы 1204 г., когда новоявленные греческие правители, “потеряв голову от стремления к славе и желая называться государями, по неразумию вооружились друг против друга”, обеспечив тем самым победу латинским разбойникам<sup>49</sup>. Акрополит начало новых государственных образований искал среди смут, следовавших за взятием Константинополя<sup>50</sup>. Никифор Григора нарицал красочную картину гибели государства ромеев, уподобившегося застигнутому бурей кораблю, распадающемуся на множество обломков<sup>51</sup>. Но позиция современников событий, к тому же переживших тяжелый кризис или ощутивших на себе его последствия, не может быть правильным мерилom событий, тем более, что византийские авторы в той или иной мере разделяли ромейскую имперскую неприязнь к партикуляризму.

На других позициях стояли сторонники грузинского влияния в образовании империи. Еще А.А. Куник, сравнив данные Панарета и “Картлис Цховреба”, показал, что взятие крестоносцами Константинополя в апреле 1204 г. и образование Трапезундской империи – события независимые: ведь подготовка к походу должна была начаться ранее зимы 1203/4 г.<sup>52</sup> Ф.И. Успенский углубил этот взгляд, заметив, что общий ход IV Крестового похода благоприятствовал юным Комнинам, хотя сами события 1204 г. послужили лишь внешним толчком<sup>53</sup>. Признавая эту общую связь, А.А. Васильев считал, что захват Алексеем Трапезунда не был результатом падения Константинополя, однако капитуляция Ангелов 18 июля 1203 г. могла вдохновить Тамару<sup>54</sup>. Чаще всего в исследованиях просто констатируется одновременность падения Константинополя и образования Трапезундской империи<sup>55</sup>.

Как мне представляется, для решения этого вопроса надо учесть, что фактически было ДВА этапа становления Трапезундского государства: 1) захват самого города и консолидация вокруг него областей Понта и 2) дальнейшая экспансия на Запад, отчасти с реставраторскими целями и возможным привлечением бежавшего из захваченных крестоносцами территорий населения. Падение столицы в тот момент, когда военная экспедиция Комнинов была начата и успешно осуществлялась, могло создать новую альтернативу, и тут встает вопрос о первоначальных планах основателей империи.

Я. Фальмерайер справедливо разделил проблему на две части: сами Комнины и их константинопольские приверженцы стремились к восстановлению Византийской империи, но объективные потребности и желания жителей Синопа и Трапезунда требовали образования самостоятельного государства, свободного от притязаний Константинополя и грабительских походов туркмен и сельджуков<sup>56</sup>. А.А. Куник, напротив, твердо отстаивал взгляд, согласно которому Комнины не могли ставить задач восстановления империи не зная при начале похода о падении Константинополя. Они следовали планам Тamar, направленным на то, чтобы

<sup>49</sup> Nicetae Choniatae Historia / Rec. I.A. van Dieten. B., 1975. (Далее: Nic. Chon. Historia). P. 636.

<sup>50</sup> Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903. Vol. 1. Cur. P. Wirth. Stuttgart, 1979. (Далее: Асрoп.). P. 12, 203.

<sup>51</sup> Nicephori Gregorae. Byzantina historia / A cura L. Schopeni. Bonnae, 1829. T. 1. (Далее: Nic. Greg.). P. 13.

<sup>52</sup> Куник А.А. Основание... С. 725; Гельцер Г. Очерк... С. 171; Гордлевский В.А. Государство сельджуков... С. 56–57; Ostrogorsky G. History... P. 425–426; Ангелов Д. История... Ч. 3. С. 16 и др.

<sup>53</sup> Успенский Ф.И. Очерки... С. 30; Он же. История... С. 477–478.

<sup>54</sup> Vasiliev A.A. Foundation... P. 3, 19, см. также примеч. 52.

<sup>55</sup> См., например, Janssens E. Trébizonde... P. 62; История Грузии... Ч. 1. С. 204.

<sup>56</sup> Fallmerayer J.Ph. Geschichte... S. 47, 55–56, см. также: Ioannides S. Ιστορία... Σ. 53; Meliarakes A. Ιστορία... Σ. 14.

с помощью дружественной династии на Понте сокрушить силу сельджуков<sup>57</sup>. Н. Йорга, напротив, настаивал на примате именно реставраторских планов Алексея и Давида, в подтверждение чего указывал на принятие Алексеем императорского титула<sup>58</sup>. А.А. Васильев синтезировал оба направления: экспедиция Тамар 1204 г. не ставила своей целью восстановление империи: в начале кампании ни Алексей, ни Давид не думали о том, чтобы отнять Константинополь у латинян. Затем их пути разошлись: Алексей остался в Трапезунде, а его брат с 1205 г. пытался восстановить Византию<sup>59</sup>. Э. Брайер, обратив внимание на то, что выступление братьев Комнинов произошло ранее 1204 г., резонно полагал, что если это и был сепаратистский мятеж, то он был направлен тогда скорее против уже низложенных Ангелов, чем против латинян, Ласкаридов или сельджуков<sup>60</sup>. В связи с полемикой по поводу реставраторских планов Комнинов большое место в литературе занял вопрос о времени и значении принятия ими титула ΜΕΓΑΣ ΚΟΜΝΗΝΟΣ<sup>61</sup>.

Анализ научной литературы показывает, что изучаемая тема не нова в историографии. И все же в ней есть еще большие лакуны, неясности, вопросы, на которые нет ответа из-за фрагментарности источников. М. Куршанскис справедливо замечал: “Трапезундская империя была основана при обстоятельствах, которые остаются таинственными, несмотря на все исследования вплоть до наших дней”<sup>62</sup>.

Новыми тенденциями в историографии, четко обозначившимися с 70-х годов, особенно после XV Международного конгресса в Афинах, посвятившего специальную сессию этой теме, стало рассмотрение нашей проблемы через призму борьбы сил децентрализации и централизации в Византии, с учетом экономических, социальных, географических факторов<sup>63</sup>. Нет нужды повторять выводы этих исследований. Достаточно сказать, что подспудные процессы регионализации провинций, протекавшие в Византии, были многократно усилены географическим и этническим факторами на Понте. Не случайно, именно понтийский вариант полунезависимого государства Гавров в конце XI–XII в. Й. Хоффман назвал “классическим примером” (Paradebeispiel)<sup>64</sup>. Но особенности регионального сепаратизма, развивавшегося во всегдашнем взаимодействии (и взаимоотталкивании) с силами централизации, заключались в том, что, раз начавшись, он как бы прорастал в глубь территории, уже вроде бы и отторгнутой от первоначального общеимперского ядра. Так, первые ростки его обнаружили в “двуличности” основателей самой Трапезундской империи – Алексея и Давида, а затем, с особой силой, в ходе гражданской

<sup>57</sup> Куник А.А. Основание... С. 727–729; см. также: Безобразов П.В. Трапезунт... С. 5–6; История Грузии... Ч. 1. С. 203–204.

<sup>58</sup> Iorga N. Histoire de la vie byzantine ... Т. 3. Р. 104. Близкую позицию отстаивал и М. Куршанскис, полагая, что Трапезундская империя была, как и Никейская, “империей в изгнании”, а сам Трапезунд – базой борьбы против Никейской и Латинской империй с реставраторскими целями: Kuršanskis M. Autour... Р. 108, 113.

<sup>59</sup> Vasiliev A.A. Foundation... Р. 20, 30, см. также: Bryer A. Trebizond and Rome // АП. 1964. Т. 26. Р. 290.

<sup>60</sup> Bryer A. David Komnenos and Saint Eleutherios // АП. 1988–1989. Т. 42. Р. 178.

<sup>61</sup> См. разбор этой полемики и нашу точку зрения в статье: Карпов С.П. У истоков политической идеологии Трапезундской империи (О происхождении титула ΜΕΓΑΣ ΚΟΜΝΗΝΟΣ // ВВ. 1981. Т. 42. С. 101–105.

<sup>62</sup> Kuršanskis M. Autour... Р. 107.

<sup>63</sup> См. о нем: Удальцова З.В., Наследова Р.А., Фонкич Б.Л., Банк А.В. XV Международный конгресс византинистов в Афинах // ВВ. 1978. Т. 39. С. 17–45; Удальцова З.В. Центробежные и центростремительные силы в византийском мире (1071–1261) // XVe Congr. Int. d'Études Byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976; Каждан А.П. Центробежные и центробежные силы в византийском мире (1081–1271 гг.) // Ibid.; Oikonomides N. La décomposition de l'Empire Byzantin à la veille de 1204 et les origines de l'Empire de Nicée: à propos de la “Partitio Romaniae” // Ibid.; Savvides A.G.C. Βυζαντινά στασιαστικά και αυτονομιστικά κινήματα στα Δωδεκάνησα και στη Μικρά Ασία 1189 – с. 1240 μ.Χ. Athenai, 1987; Idem. Internal Strife and Unrest in Later Byzantium, XIth–XIIIth Centuries (A.D. 1025–1261). The Case of Urban and Provincial Insurrections (Causes and Effects) // Σόμμεκτα. 1987. Т. 8. Σ. 237–274; Cheynet J.-C. Pouvoir et contestations...

<sup>64</sup> Hoffmann J. Rudimente von Territorialstaaten im Byzantinischen Reich (1071–1210). München, 1974. S. 21.



войны феодальных кланов империи в середине XIV столетия, о чем речь пойдет ниже. Его преодоление при Алексее III дорого обошлось империи, но это был возврат к прежней централизации, оспариваемой по отношению к Византии в целом вначале Гаврами и (поневоле, после 1214 г.) Великими Комнинами, решение задач централизации силами децентрализации, подобно “загадке” константинопольских Комнинов в XI–XII вв.<sup>65</sup>

Исследуя феномен с идеологической стороны, Э. Арвейлер определила подоплеку понтийского сепаратизма как греческий “провинциальный патриотизм”, усиленный антилатинскими настроениями<sup>66</sup>.

Наконец, совсем недавно французский историк М. Баливе так изложил географические и политические факторы образования и существования Трапезундской империи: изолированность целью Понтийских гор, прибрежье стойкого комниновского легитимизма, поддерживаемого партикуляризмом туркоманских эмиратов Северной Анатолии, что позволяло долго избегать сельджукидской централизации, связи с кавказско-иверийским миром<sup>67</sup>. Конечно, это далеко не полные объяснения, но и они не лишены рационального зерна.

Социальными силами, заинтересованными в отделении Понта от Византии, были и местные крупные и средние земельные собственники, и торгово-ремесленное население крупных городов, и крестьянство, страдавшее как от внешней угрозы и неспособности Константинополя противостоять ей, так и от налогового бремени, отождествляемого с неэффективной столичной бюрократией. Не случайно сепаратист в глазах византийских василевсов Феодор Гавра стал на Понте и местным героем, и почитаемым святым<sup>68</sup>.

Автор единственного дошедшего до нас местного источника, систематически освещающего историю Великих Комнинов, Михаил Панарет записал: “Прибыл Великий Комнин кир Алексей, вышедший (ἐξελθὼν) из благополучного Константинополя, выйдя с войском из Ивирии при помощи и содействии его тетки по отцу Тамар и овладел Трапезундом в апреле 7 индиктиона 6712 (1204. – С.К.) года, имея 22 года от роду”<sup>69</sup>. Хронист не отметил никаких других приобретений Алексея, кроме Трапезунда, не упомянул брата василевса полководца Давида. Неполнота приведенной фразы и двусмысленность причастия ἐξελθὼν приводили исследователей к мысли, что поход начался из Константинополя сразу или же через короткое время после того, как внуки Андроника I покинули Город. Однако ἐξελθὼν может означать и происхождение, в смысле *выходец* из древней столицы Византии. Именно эта мысль наиболее соответствует идейной направленности “Хроники” Панарета, династической истории, прославляющей древность рода правящих государей, его легитимность и связь с византийской императорской династией. К тому же, Панарет называет в этой же фразе Константинополь “благополучным” (εὐδαίμων), что с трудом приложимо к осажденному врагами и взятому впоследствии городу. Даже привычное клише похвалы Новому Риму выглядело бы в этом контексте кощунственно. Скорее Панарет (абсолютно, кстати, далекий от риторики) апеллирует именно к благополучному прошлому византийской столицы, к тому времени, когда Алексей был там рожден.

Реальных данных для установления местопребывания Алексея и Давида в 1185–1203 гг. нет. Ясно, что они начинали поход с войском Тамар из Грузии в 1203 г. Но как, когда и при каких обстоятельствах попали туда, неизвестно.

<sup>65</sup> Каждан А.П. Загадка Комнинов. (Опыт историографии) // ВВ. 1964. Т. 25. С. 53–98.

<sup>66</sup> Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin. P., 1975. P. 87–102.

<sup>67</sup> Balivet M. Romanie Byzantine et Pays de Rûm Turc. Histoire d'un espace d'imbrication Gréco-Turque. Istanbul, 1994. P. 100.

<sup>68</sup> См. подробнее о социальных силах: Карнов С.П. От фемы Халдия – к империи Великих Комнинов // АДСВ. 1982. Вып. [19]. С. 54–61; Idem. Empire of Great Comnenoi: Some Remarks on Particularities of its Foundation // Actes du XVe Congrès Int. d'Études Byzantines. Athènes, Sept., 1976. T. IV. Histoire. Communications. Athènes, 1980. P. 153–159.

<sup>69</sup> Panaretos. P. 61.1–5.

“Картлис Цховреба” разъясняет, что побудительным импульсом похода 1204 г. была месть Тамар Ангелам за ограбление Алексеем III монахов, отправлявшихся в Иерусалим и получивших от грузинской царицы большие дары. Узнав об этом, Тамар отправила отряд ивирийского войска (небольшое число залихских имеритинцев, как сообщает летописец), который захватил Лазику, Трапезунд, Лимон, Самсун, Синоп, Керасунт, Китиору, Амастриду, Ираклию, все земли Пафлагонии и Понта. Все эти владения были переданы родственнику Тамар Алексею Комнину<sup>70</sup>. При этом анонимный хронист указывает, что, благодаря Тамар, владетель Трапезунда получил независимое владение и правил не обеспокоенный врагами<sup>71</sup>.

Приобретенная территория была весьма обширна, ее западные области были отдалены от Грузии на очень большое расстояние, южный фланг оставался открытым для нападений сельджуков. И могла ли одна небольшая грузинская армия в таких условиях контролировать всю эту территорию? Необходимо учесть, что именно в 1203–1206 гг. шла ожесточенная борьба Грузии с Румским султанатом, азербайджанскими и иранскими атабеками. Наступательные операции войска Тамар вели в Араратской долине, в Азербайджане. Шли упорные бои за крепости Карс, Маназкерт, Хлат. Наконец, Грузии удалось нанести сельджукам сокрушительное поражение в битве при Басиане в 1203/4 г.<sup>72</sup> Эти войны требовали мобилизации всех ресурсов государства Тамары и не давали возможности отвлечь большую армию на нужды Комнинов. Да и сам историк Тамар Бабили писал лишь о “небольшом отряде залихских бойцов”<sup>73</sup>. Но была ли нужда в значительной экспедиции? После Басианской битвы силы Румского султаната были подорваны. Царица Тамар прекрасно знала о сложившемся накануне 1204 г. положении в Византии. Она имела развитую сеть осведомителей и располагала информацией от щедро одариваемых дальних монастырей<sup>74</sup>. Получаемые данные недвусмысленно свидетельствовали о бедственном положении осажденного крестоносцами Константинополя, лишенного возможностей вмешиваться в дела далекого Понта. Силы сельджуков были серьезно ослаблены 20-летней войной, хотя не считаться с ними вовсе еще было нельзя. Практически же прежняя фема Халдия на какой-то промежуток времени была предоставлена сама себе и при определенных обстоятельствах могла стать жертвой агрессии главных врагов Тамар – сельджуков. Защищая Понт и оказывая помощь Комнинам, Тамар получала естественного союзника на северо-западных границах своей державы<sup>75</sup>. Выполнению этой задачи способствовали длительные традиции понтийского сепаратизма, легитимность и авторитет в греческом мире отпрысков Комниновской династии, вставших во главе предприятия, полководческий талант Давида Комнина и, наконец, то, что лазы, родственные картвелам, составляли значительную часть населения будущей империи, особенно на ее востоке<sup>76</sup>. Грузинские

<sup>70</sup> Brosset M. Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIXe siècle. SPb., 1849. I-ère partie. P. 464–465; Дондуа В. (изд.). Бабили, историк царицы Тамары // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 69–70; Каухчишвили С.Г. Грузинские источники по истории Византии. Тбилиси. 1974. Т. 1. С. 132–135, 148–149. Залихские имеритинцы – грузины, живущие к западу от Лихского (Сурамского) хребта.

<sup>71</sup> Brosset M. Histoire... P. 478.

<sup>72</sup> О дате сражения в связи с образованием Трапезундской империи см.: Гамкрелидзе А. Дата Басианского сражения и некоторые вопросы основания Трапезундской империи // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1966. С. 245–256 (на груз. яз.); Силагадзе Б. Некоторые вопросы истории Грузии эпохи Руставели в свете сведений Ибн ал-Асира // Грузия эпохи Руставели. Тбилиси, 1966. С. 117–124 (на груз. яз.); Абдаладе А. Армянская памятная запись о Басианской битве // Мацне. Вестн. Акад. наук ГрузССР. Отделение обществ. наук. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусств. 1972. № 1. С. 133–139 (на груз. яз.); Лордкипанидзе М.Д. История Грузии... С. 156–162; Шенгелия Н.Н. Грузия и Ближний Восток на рубеже XII–XIII вв. // Тюркологический сб. 1976 г. М., 1978. С. 191–192.

<sup>73</sup> Дондуа В. (изд.). Бабили... С. 69; Каухчишвили С.Г. Грузинские источники... С. 18–19, 148–149.

<sup>74</sup> Brosset M. Histoire... P. 464–465; Каухчишвили С.Г. Грузинские источники... С. 132–133.

<sup>75</sup> Ср.: Bérédzé Ch. Byzance et le Caucase // Studi bizantini e neoellenici. 1939. Т. V. P. 19; Лордкипанидзе М.Д. История Грузии... С. 161.

<sup>76</sup> Bryer A. Some Notes... XIVa. P. 174–195; XIVb. P. 161–168.

войска в этих условиях не рассматривались местным населением как агрессоры. Так, в благоприятной исторической ситуации понтийский сепаратизм сомкнулся с внешнеполитической активностью Грузии и планами ее правителей. Поэтому роль Грузии в образовании империи заключалась не только и не столько в военной помощи, сколько в обеспечении безопасности перед лицом сельджукской угрозы. Царство Тамар на этом историческом этапе было **ГЛАВНЫМ ГАРАНТОМ** само-го существования Трапезундского государства.

В источниках нет данных о каком-либо сопротивлении отрядам Комнинов до их столкновения с Феодором Ласкарем. Напротив, Виссарион Никейский и Критовул, независимо друг от друга и следуя и в XV в. устоявшейся традиции, писали, что передача власти Комнинам на Понте происходила мирно<sup>77</sup>. По Халкокондилу, первый император “получил от местных жителей власть над Колхидой и перенес свое царство в Трапезунд в Колхиде”<sup>78</sup>. Современник событий Никита Хониат отмечает в своей “Хронике”: “Давид же Комнин, набрав войско из Пафлагонии и Ираклии Понтийской и частично ивирийских наемников, живущих в долине Фасиса, подчинил себе деревни и города. Расширив владения брата, которого звали Алексей, он стал его предтечей и глашатаем”<sup>79</sup>. Панегирик Никиты Хониата никейскому государю Феодору Ласкарю (1206 г.) содержит еще одно указание на быстрый переход понтийских жителей под знамена Комнинов<sup>80</sup>. Трапезунд, как и Константинополь, был взят в апреле 1204 г. Значит первоначально войско Алексея и Давида состояло исключительно из небольшого грузинского отряда (который Хониат назвал ивирийскими наемниками, а “Картлис Цховреба” – “отрядом заливских бойцов”) и непосредственного окружения царевичей. Однако понтийский сепаратизм и сама внешнеполитическая ситуация стали консолидирующим фактором. Давид, как, видимо, и Алексей, быстро перешел к мобилизации местного населения. В Малой Азии после 1204 г. между уцелевшими греческими династами и латинскими правителями началась борьба за византийское наследство, за выход к Константинополю, не только за приобретение отдельных территорий, но и за привлечение симпатий населения<sup>81</sup>. Количество войск и поддержка местных жителей определяли успех: так было при овладении Феодором Ласкарем Никеей и Вифинией, так было и при утверждении Комнинов на северном побережье Малой Азии. Никита Хониат бичует жителей, поддержавших Комнинов, как людей легкомысленных и неразумных, идолопоклонников и трусливых отступников. Но что делает в его описании восхваляемый им герой, Феодор Ласкар? Разгромив авангард Давида Комнина и взяв, по словам панегириста, тысячи пленных, взывающих о пощаде, Ласкар не наказывает их, лишь слегка журит, убеждая отступить от того, кто не может даже сам себя защитить, и стать под никейские знамена. Высшая награда для Ласкаря, по словам

<sup>77</sup> Bessarionos. Ὁ εἰς Τραπεζοῦντα λόγος τοῦ Βησσαρίωνος / Ekd. O. Lampsides // АП. 1984. Т. 39. Σ. 184; Critobuli Imbriotae Historia / Rec. D.R. Reinsch. B.; N.Y., 1983. P. 152.28–32.

<sup>78</sup> Laonici Chalcocondylae Historiarum demonstrationes / Ed. E. Darkó. Budapestini, 1927. Т. 2. P. 218. 24–219.2.

<sup>79</sup> Nic. Chom. Historia. P. 626.57–61. Ср. также: Acrop. P. 12, 18; Ephraem Aenii Historia chronica / Rec. O. Lampsides. Athenis, 1990. P. 267.7545–268.7561.

<sup>80</sup> Nicetae Choniatae Orationes et epistulae / Rec. I.A. van Dielen. B., 1972. P. 139.14–29; Никита Хониат. Речь, составленная к прочтению перед киром Феодором Ласкарем / Пер. П.И. Жаворонкова // ВО. 1991. С. 226.

<sup>81</sup> Lampsides O. Ο ανταγωνισμός μεταξύ των κρατών της Νικαίας και των Μεγάλων Κομνηνών δια την κληρονομίαν της Βυζαντινής Ιδέας // АП. 1977–1978. Т. 34. Σ. 3–19; Idem. La rivalité entre l'État des Grands Comnènes et celui de Nicée à propos de l'héritage de l'idée byzantine // Actes du XVe Congr. Int. d'Études Byzantines. Athènes, 1980. Т. IV. P. 186–191; Prinzing G. Das Byzantinische Kaisertum im Umbruch zwischen regionaler Aufspaltung und erneuter Zentrierung in den Jahren 1204–1282 // Legitimation und Funktion des Herrschers. Vom ägyptischen Pharao zum neuzeitlichen Diktator / Hrsg. von R. Gundlach, H. Weber. Stuttgart, 1992. S. 129–183; Карнов С.П. После 1204 г.: Трапезунд – второй Константинополь? // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. VI Международный Семинар исторических исследований “От Рима к Третьему Риму”. Москва, 28–30 мая 1986. М., 1997. С. 135–143.

Хониата, то, что бывшие противники примкнули к нему, отложившись от Давида, за которого три дня тому назад вступали в бой. “Брань соединила воедино ранее разделенных”<sup>82</sup>.

Перед нами не просто традиционная хвала доброму правителю, но курс никейской политики, зафиксированный ее апологетом. Помимо “Панегирика” и “Хроники” Хониата отмечает, что, подойдя к городу Плусиада, перешедшему на сторону Давида, Ласкарь сумел привлечь к себе его население, лишив понтийского правителя поддержки. Это был значительный успех, так как гарнизон города славился искусными лучниками<sup>83</sup>. В свою очередь Давид Комнин, перейдя через р. Сангарий, захватил ряд крепостей и вновь приобрел Плусиаду, получив оттуда заложников, часть из которых он “заключил в оковы, потому, что они перебежали к Ласкарю”<sup>84</sup>. Большое значение соперничающие стороны придавали поддержке духовенства. Феодору I удалось добиться того, что патриарх и все никейское духовенство клятвенно обязались всегда хранить верность Ласкарю и не поддерживать никого из его врагов, “даже внуков кира Андроника”. Священники должны были способствовать тому, чтобы “мысли и действия людей в наших провинциях, какого бы рода, славы и достоинства они ни были, были направлены к славе и поддержанию” никейского императора<sup>85</sup>. О том, что после падения Константинополя во владения Комнинов устремлялось эллинское население столицы, свидетельствуют записанные митрополитом Эфесским Николаем Месаритом слова православных монахов, сказанные в ответ на упреки папского легата кардинала Бенедикта в гордыни: “Если бы мы были гордыми, как ты говоришь, то и мы могли бы, как остальные жители Константинополя, идти в земли императора кира Феодора Ласкаря Комнина, и в земли кира Давида Комнина ... как это сделали многие, убегая от вашего постоянного угнетения и угрозы ежедневной гибели”<sup>86</sup>. Значит, силы и понтийских правителей, и никейского императора пополнялись в известной мере не только за счет местного населения, но и за счет жителей столицы. Кроме того, как сообщает Акрополит, во вспыхнувших смутах само население призывало на защиту того или иного правителя, признавая его власть<sup>87</sup>. Проигрыш в борьбе за поддержку населения означал и общее поражение.

К 1205 г. Понтийское государство (мы называем его так, ибо это еще не была собственно ТРАПЕЗУНДСКАЯ империя) сложилось из ДВУХ частей. Одной владел непосредственно император Алексей; она в основном совпадала со старой византийской фемой Халдия. Никита Хониат отметил, что Алексей владел трапезундскими областями<sup>88</sup>, в то время как его брат Давид – землями Пафлагонии и Ираклией Понтийской, осуществляя в дальнейшем продвижение к Никомидии<sup>89</sup>. Иных анклавов в составе империи не было, и для утверждений о том, что на территории Великих Комнинов в 1204–1208 гг. образовались полунезависимые апанажи иных

<sup>82</sup> Nicetae Choniatae Orationes... P. 136, 142, 144.

<sup>83</sup> Nic. Chon. Historia... P. 640–641.

<sup>84</sup> Ibid. P. 641.

<sup>85</sup> Патриаршая и соборная грамота, данная Ласкарю 20 марта – 6 апреля 1208 г.: *Oikonomides N. Cinq actes inédits du patriarche Michel Autôreianos* // REB. 1967. T. 25. P. 123.33–40; *Laurent V. Les Regestes des Actes des patriarches de Constantinople. Vol. I. Fasc. 4: les regestes de 1208 à 1309. P., 1971. P. 7–8.*

<sup>86</sup> *Heisenberg A. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion. Bd. 1 // Sitzungsberichte der Bayer. Ak. der Wissenschaften, Philos.-philol. und hist. Klasse. Abh. 1. München, 1922. S. 62.*

<sup>87</sup> Acrop. P. 12, 203.

<sup>88</sup> Nic. Chon. Historia. P. 626.60–62; Σύνολος Χρονική // *Sathas C. Bibliotheca graeca medii aevi. P., 1894. T. VII. P. 453.4–6; Ephraem Aenii Historia... P. 267.7546–7547.*

<sup>89</sup> Nic. Chon. Historia. P. 626.57–60, 64–71; Acrop. P. 12, 204 (Акрополит постоянно называет Давида “владельцем Пафлагонии” и сообщает о принятии титула Великий Комнин лишь Алексеем: Ibid., см. также: P. 18, 209); *Васильевский В.Г. Epirotica saeculi XIII. Из переписки Иоанна Навпактского* // BB. 1896. T. 3, вып. 2. С. 275.28–31 (владел Амастридой); Σύνολος Χρονική. P. 453.3–4; 457.11–14; *Ephraem Aenii Historia... P. 267.7545.*

правителей, вроде мифического Феодора II Гавры<sup>90</sup>, нет никаких оснований в источниках.

Давид, очевидно, не собирался замыкаться в этих пределах, стремясь прорваться в Вифинию, где укреплялось Никейское государство, и к Константинополю. Алексей в этих походах брата не участвовал, оставаясь все время в районе Трапезунда, и, по словам Хониата, “как вошедший в поговорку Гилас, появлялся слышанным, но не видимым”<sup>91</sup>. Об отношениях между двумя территориальными комплексами можно только догадываться. Во всяком случае, Давид, не приняв императорского титула и, по Хониату, признавал главенство брата (был его “глашатаем”). Практически же он действовал на свой страх и риск.

Возможно, более активные действия Алексея сковывались постоянной сельджукской угрозой, заставлявшей его не покидать пределы Понта. Почти сразу после утверждения в Трапезунде, в 602 г. хиджры (18/VIII 1205 – 7/VIII 1206 г.), Алексей подвергся нападению султана Икония Гийас ал-дина Кай Хусрау I (1192–1196, 1204–1210). Сообщивший об этом арабский хронист Ибн ал-Асир полагал, что причиной атаки было то, что после завоеваний Комнинов Иконийский султанат оказался отрезанным от черноморских портов, прервались торговые связи, была парализована крупнейшая мусульманская ярмарка в Сивасе. Султан осадил Трапезунд, но не смог взять его и прорваться к морю<sup>92</sup>. Реальной причиной нападения сельджуков на Трапезунд мог стать союз Кай Хусрау с Феодором I Ласкарем (весна 1205 г.)<sup>93</sup>. Вероятно, действия союзников были согласованы, и потому датировка похода осенью–зимой 1205 г. (одновременно с захватом Плусиады Ласкарем)<sup>94</sup> представляется предпочтительной. Эта неудача толкнула позднее сельджуков на новый поход в 1214 г.

До начала мая 1205 г. войска Давида на западе не встречали сопротивления и территория под его контролем простиралась до р. Сангарий. Силы Ласкаря до той поры были заняты борьбой с крестоносцами, нанесшими ему в декабре 1204 г. поражение при Пиманионе и захватившими в марте 1205 г. Адрамиттий. В начале апреля 1205 г. началась война Латинской империи с болгарами, оттянувшая силы рыца-

<sup>90</sup> Savvides A. G. Byzantium in the Near East: Its Relations with the Seljuk Sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols (A.D. c. 1192–1237). Thessaloniki, 1981. P. 60–61; *Idem*. Βυζαντινά στασιαστικά... P. 252–259; *Idem*. Theodore II Gabras, lord of Amisos in the Early Thirteenth Century // АП. 1985. Т. 40. P. 44–46 (приводимые в качестве аргумента ссылки на тексты греческого историка К. Парригопуло или на К. Хонфа, путавшего Савву Асидена с Гаврой, не могут служить доказательством существования этого лица. Никаких данных о нем в современных событиях источниках нами не обнаружено).

<sup>91</sup> Nic. Chon. Historia. P. 626.60–63.

<sup>92</sup> Ibn al Athir. Extrait de la chronique intitulée Kamel-Altevarykh // RHC, HO. 1887. Vol. II. Partie 1. P. 101–102. Об этом походе и торговом значении Сиваса см.: Cahen C. Le commerce anatolien au début du XIIIe siècle // *Idem*. Turcobyzantina... N XII. P. 92–93; Savvides A.G.K. Οι Μεγάλοι Κομνηνοί του Πόντου και οι Σελτζούκοι του Rûm (Ικονίου) την περίοδο 1205/6–1222 // АП. 1984. Т. 39. Σ. 176–179. Д.А. Коробейников предполагал, что до похода Гийас ал-дина между Трапезундской империей и Румским султанатом существовал договор, предусматривавший свободный проезд мусульманских купцов через территорию империи (Коробейников Д.И. Северная Анатолия XI–XV вв.: наследие Византии в эпоху тюркских завоеваний: Дис. канд. ист. наук. М., 1998 (ркл). С. 195. Мы считаем такое предположение сомнительным, учитывая смерть предыдущего султана Рукн ал-дина, разгромленного Тамар, 6 июля 1204 г. и для ведения переговоров и соглашений с ним у Трапезундской империи оказалось бы слишком мало времени (май–июнь 1204 г.). Вероятнее, что сельджукский султан использовал иной правовой повод: договоры с византийскими императорами, преемниками которых он считал Великих Комнинов. Безопасность же трапезундских правителей в их продвижении на Запад гарантировал не договор с Рукн ал-дином, но дипломатическая и военная поддержка Грузии.

<sup>93</sup> Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. 3 Teil: Regesten von 1204–1282, 2 Auflage/bearb. von P. Wirth. München, 1977. N 1668b (весна 1205 г.); Жаворонков П.И. Дополнения к Третьему тому “Регест” Ф. Дэльгера периода Никейской империи // ВВ. 1980. Т. 41. № 3. С. 184.

<sup>94</sup> Коробейников Д.И. Северная Анатолия... С. 201.

рей на Балканы<sup>95</sup> и после перемирия “латинян” с Никеей в мае 1205 г. освободившая Ласкаря руки<sup>96</sup>.

Первое прямое столкновение войск Ласкаря и Давида произошло чуть позднее, когда последний подошел к Никомидии. В “Хронике” Хониата это изложено после описания отправки латинского правителя Генриха Фландрского на войну против болгарского царя Калояна<sup>97</sup>. Попробуем сравнить эти данные с “Хроникой” Жоффруа де Виллардуэна и “Деяниями” папы Иннокентия III. По Виллардуэну поход начался в июне 1205 г. и продолжался до зимы того же года<sup>98</sup>. “Деяния” вносят некоторое уточнение в последнюю дату: включенное в это анонимное сочинение письмо самого Генриха папе (от февраля 1206 г.) недвусмысленно свидетельствует, что Генрих прибыл в Константинополь к празднику св. Ремигия (1 октября 1205 г.)<sup>99</sup>. Тогда битва при Никомидии, произошедшая, по Хониату, вскоре после выступления Генриха, должна была произойти между июлем и октябрём 1205 г., вероятнее всего, – ранней осенью.

Когда авангард Давида Комнина под командованием юного полководца Синадина приближался к Никомидии, Ласкарь, предприняв обходной маневр, напал на него с тыла. Синадин был застигнут врасплох и потерпел поражение. Часть его отряда была изрублена, часть бежала, а часть попала в плен, как о том говорилось в “Панегирике” Хониата. Итогом этих событий стало ограничение передвижения войск Давида к западу от Пафлагонии<sup>100</sup>. Никомидия имела большое стратегическое значение для противников. Приобретая ее, Давид, по меткому замечанию В. Лорана, “соединял” два моря и отрезал никейскому сопернику выход к Константинополью<sup>101</sup>. Но хотя это поражение и приостановило наступление Давида, оно еще не создавало угрозы его непосредственным владениям в Пафлагонии, где он опирался на мощные приморские крепости Ираклии и Амастриды. Именно тогда Давид предпринимает меры по укреплению этих городов, возводит стены и башню Ираклии Понтийской<sup>102</sup>. Но в течение последующего периода могущество и авторитет Ласкаря росли, а у Давида, отрезанного от областей Вифинии, сил не прибавлялось. Единственным выходом для него было обратиться за помощью к естественному союзнику, врагу Ласкаря – правителю (с 20 августа 1206 г. – императору) Латинской империи Генриху. С заключением этого союза хоронились планы Комнинов восста-

<sup>95</sup> См.: Данчева-Василева А. България и Латинската империя (1204–1261). София, 1985. С. 61–73.

<sup>96</sup> Sinogowitz B. Über das byzantinische Kaisertum nach dem vierten Kreuzzug // BZ. 1952. S. 349.

<sup>97</sup> Nic. Chon. Historia. P. 619–625. О событиях см.: Longnon J. L'Empire Latin de Constantinople et la Principauté de Morée. P., 1949. P. 81–87; Макушев В. Болгария в конце XII и в первой половине XIII в. // Варшавские университетские известия. 1872. № 3. С. 39–46; Златарски В.Н. История на Българската държава през средните векове. София, 1972. Т. 3. С. 234; Данчева-Василева А. България и Латинската империя... С. 68–69.

<sup>98</sup> Villehardouin Geoffroi, de. La conquête de Constantinople / Ed. par E. Faral. P., 1939. Т. 2. (Далее: Villeh.). § 390–391. P. 198–202 (начало похода); § 397, 402–403. P. 208, 212–216 (конец похода).

<sup>99</sup> Gesta Innocentii tertii // PL. 1890. Т. 214. Col. CXLVI. Ср. примеч. у Э. Фарал: Villeh. P. 217. Not. 1. Значение зимы у Виллардуэна тогда следует понимать шире.

<sup>100</sup> Nic. Chon. Historia. P. 626.64–71.

<sup>101</sup> Laurent V. Sceau... P. 159. А. Гарднер даже предполагала, что захватом Никомидии преследовалась цель овладения самой Никеей: Gardner A. The Lascarids of Nicaea. The Story of an Empire in Exile. L., 1912. P. 75.

<sup>102</sup> На башне Ираклии была сделана надпись следующего содержания, отражающая специфическое направление имперской пропаганды Комнинов, подчеркивание их легитимности и константинопольских корней: “Порфиросный Давид, цветущий побег, происходящий от царственного деда Андроника, от основания построил новую башню и искусно восстановил разрушенную в(ременем) всю Понтоираклию”. См.: Grégoire H. Notes épigraphiques // Revue de l'Instruction Publique en Belgique. NS. 1909. Т. LII. P. 3–6. N 8; Bees A.N. Die Inschriftenaufzeichnung des Kodex Sinaiticus Graecus 508 (976) und die Maria-Spiläotissa-Klosterkirche bei Sille (Lykaonien) // Texte und Forschungen zur Byzantinisch-neugriechischen Philologie. Berlin; Wilmersdorf, 1922. S. 69; Kalinka E. Aus Bythynien und Umgegend // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes. 1933. Bd. 28. S. 101; Капнов С.П. У истоков... С. 104–105.

новить Византию, и Давид переходил к глухой обороне. Союзные отношения были установлены до 23 августа 1206 г.<sup>103</sup>

Инициатором второго столкновения был Феодор Ласкарь, предпринявший в октябре–декабре 1206 г. поход в Пафлагонию<sup>104</sup>. Ласкарь сумел привлечь на свою сторону население пограничной Плусиады и подойти к Ираклии<sup>105</sup>. Для никейской армии поход был нелегким: пришлось переправляться через р. Сангарий, где был обращен в бегство небольшой заслон противника. Давид осуществил ряд мер для обороны: завалив путь через горные проходы и поставив искусственные заграждения на дорогах, он расставил часть войск на выгодных рубежах в горах, вооружив их метательным оружием. Однако, расчистив проходы, Ласкарь сумел преодолеть заграждения и сжечь заслоны, никейцы проложили удобную дорогу. Войска, оставленные Давидом в горах, не получили обещанной поддержки и были разгромлены, попав в ловушку. Часть их оказалась в плену, другая – бежала. Пополнив свою армию за счет пленных, Феодор Ласкарь приблизился к Ираклии, где за стенами скрывался его главный противник. “Панегирик” рисует обреченность осажденного, которого спасла лишь вовремя подоспевшая помощь латинян<sup>106</sup>. Хониат сгущает краски: Ираклия была сильной крепостью, с большими запасами продовольствия, излишки которого Давид Комнин позже отправит в Константинополь. Да и последующие приступы Ласкаря под стены Ираклии, как писал Месарит, долгое время были бесплодны<sup>107</sup>.

Итак, “франки” в конце 1206 г. в критический для Давида момент выступили ему на помощь. Виллардуэн, не упомянув самого Давида, отметил, что военные действия велись из-за нарушения Ласкарем условий перемирия<sup>108</sup>. Сопоставим изложение военных действий Хониатом и Виллардуэном. Первый писал, что латиняне, заняв Никомидию, создали угрозу для Феодора I, заставив его колебаться между штурмом Ираклии и спешным отходом к Никомидии, навстречу “франкам”. Ласкарь избрал последнее<sup>109</sup>, так как захват Никомидии отрезал его от Никеи и Пруссии. По Виллардуэну, в районе Никомидии действовал сенешаль Романи Тьерри де Лоос<sup>110</sup>. Но западнее наносился и другой удар – нацеленный в глубь никейской территории. Латиняне укрепились в г. Кизик и брали большую добычу от набегов на никейские земли<sup>111</sup>. Ласкарь, бросив осаду Ираклии, напал на латинский отряд, действовавший у Никомидии. Но тот не принял боя (вероятно, из-за малочисленности), и, по Хониату, бросив обоз и терпя потери, отошел к Константинополю. Ласкарь,

<sup>103</sup> *Nic. Chon. Historia*. P. 640; Villeh. § 452–453. P. 266–268. С. 23 августа по начало ноября 1206 г. император Генрих не был в Константинополе. Вернувшись в столицу, он послал помощь находившемуся в затруднительном положении Давиду (см. ниже).

<sup>104</sup> Ряд авторов датировал этот поход весной 1206 г. (*Gerland E. Geschichte...* S. 107. Anm. 4; *Longnon J. L'Empire...* P. 89–90; *Sinogowitz B. Über das byzantinische Kaisertum...* S. 350; *Stadtmüller B. Zur Biographie des Niketas Choniates (um 1150–um 1214)* // BF. 1966. Bd. 1. S. 326). Контексты произведений Никиты Хониата и Жоффруа Виллардуэна, на наш взгляд, противоречат такой датировке. Следствием похода Ласкаря стало выступление против него латинян. Однако, по Виллардуэну, до конца 1206 г., после заключения перемирия с Ласкарем, латиняне не вели против никейцев военных действий (Villeh. § 453. P. 266). В тяжелое время войны с болгарями выступление в Малой Азии было маловероятно. Поход императора Генриха к Никомидии мог произойти лишь после возвращения императора в Константинополь, т.е. после 1 ноября 1206 г. (Villeh. § 452–453. P. 266–268). Сведения об этой кампании находятся также в уже упомянутом “Панегирике” Никиты Хониата, написанном в конце 1206 г. (*Dieten I.A., van. Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie*. B.; N.Y., 1971. S. 146–152). П.И. Жаворонков отнес поход Феодора к лету–осени 1206 г. (*Никита Хониат*. Речь... С. 217); *Радосевич Н.* Никейски цареви у савременој им реторици // ЗРВИ. 1987. Т. 26. С. 79.

<sup>105</sup> *Nic. Chon. Historia*. P. 640.13–15.

<sup>106</sup> *Nic. Chon. Orationes...* P. 140–145; *Nic. Chon. Historia*. P. 640.

<sup>107</sup> *Heisenberg A. Neue Quellen...* 1923. Bd. 3. S. 25–26.

<sup>108</sup> Villeh. § 453. P. 266–268.

<sup>109</sup> *Nic. Chon. Historia*. P. 640–641; *Nic. Chon. Orationes...* P. 144–145.

<sup>110</sup> Villeh. § 455. P. 270.

<sup>111</sup> Villeh. § 453–454. P. 268–270.

видимо, не преследуя “франков”, возвратился к Кизику и несколько раз пытался взять его штурмом. Борьба шла с большими потерями для двух сторон и приняла затяжной характер<sup>112</sup>.

После того, как Давид Комнин убедился в реальности помощи, которую ему могли оказать крестоносцы, он решил укрепить связи с ними. О новом договоре Хониат написал так: “Он (Давид Комнин. – С.К.) отправил в Византий к латинянам несколько продовольственных судов со свиным засоленным мясом, обмениваясь за помощь войском. И за это он просил заключить с ним второй договор и записать его в условия письменного соглашения их с Ласкарем, а также признать все его земли зависимыми от латинян”<sup>113</sup>. Второй договор Давида с Латинской империей, в отличие от первого, устанавливал прямые отношения вассалитета. Но они, очевидно, распространялись не на всю территорию Трапезундской империи, а лишь на владения Давида, что в общих чертах соответствовало договору о Разделе Византии (*Partitio Romaniae*), по которому Понт не входил в подлежащую разделу часть, а Пафлагония предназначалась латинскому императору, правда, наряду с Синопом и Инеем, которыми управлял Алексей<sup>114</sup>. После заключения союза Давид не потерял независимости<sup>115</sup> и установленный союз был чисто военно-политическим и не имел религиозных последствий. Местная церковь не признала унии и католических доктрин, а земли Давида и в 1206 г. рассматривались как прибежище для православного клира<sup>116</sup>. Латинская империя получила первого союзника в Малой Азии, при помощи которого можно было сдерживать натиск со стороны Никеи и снабжать Константинополь продовольствием. О приобретении же Пафлагонии в тех условиях Латинская империя не могла и мечтать<sup>117</sup>.

Военные последствия союза не заставили себя долго ждать: в самом конце 1206 г., или скорее в январе–марте 1207 г.<sup>118</sup>, узнав, что Ласкарь ушел из Никеи в Пруссий, латиняне и Давид начали совместное наступление на его территорию. Давид, переправившись через р. Сангарий, разгромил укрепленные пункты Ласкаря и вновь приобрел Плусиаду, получив оттуда заложников. А 300 латинских рыцарей выступили из Никомидии на восток, но были застигнуты врасплох полководцем Ласкаря Андроником Гидом. Большинство из этого отряда погибло, а бежавшие попали в засаду и не смогли сообщить о поражении Давиду<sup>119</sup>. Однако вскоре между Ласкарем и императором Генрихом было заключено перемирие сроком на 2 года. В договоре оговаривалась неприкосновенность Давида как вассала и союзника императора (апрель–июнь 1207 г.)<sup>120</sup>. В 1208 г. сила и авторитет никейского правителя

<sup>112</sup> *Nic. Chon. Historia*. P. 640; *Nic. Chon. Orationes...* P. 145–146; *Villeh.* § 454. P. 268–270.

<sup>113</sup> *Nic. Chon. Historia*. P. 640. 30–35.

<sup>114</sup> *Carile A. Partitio terrarum Imperii Romaniae* // SV. 1966. T. VII. P. 217.6–12; *Canale, da, Martin*. Les estoires de Venise (Cronaca veneziana in lingua francese dalle origini al 1275) / A cura di A. Limentani. Firenze, 1972. P. 64; *Vasiliev A.A. The Foundation...* P. 20–21.

<sup>115</sup> Ср.: *Longnon J. L'Empire...* P. 133.

<sup>116</sup> *Heisenberg A. Neue Quellen...* Bd. 1. S. 62. Ср.: *Norden W. Das Pappstum und Byzanz*. B., 1903. S. 183. Anm. 2; *Bryer A. Trebizond and Rome*. P. 290–291.

<sup>117</sup> *Fallmerayer J.-Ph. Geschichte...* S. 86–87.

<sup>118</sup> Нижнюю хронологическую границу дают наблюдения над текстом “Хроники” Хониата. Историк подробно описал неудачную экспедицию румского султана против правителя Атталии Альдебрандина в 1206 г., но не привел данных о ее завершении – взятии султаном этого города в марте 1207 г. См.: *Fallmerayer J.-Ph. Geschichte...* S. 88–89.

<sup>119</sup> *Nic. Chon. Historia*. P. 640.35–641.49. Об этом поражении латинян, правда, довольно туманно, упоминают Николаем Месаритом в “Петиции” греческого духовенства Константинополя Феодору Ласкарию (1208 г.). В сочинении сказано, что “энейды” были разгромлены и многие из них попали в плен, но некто из врагов Ласкаря по-прежнему возвышался, не склонив спину. Его покорение считалось делом будущего. Полагаем, что намек сделан на Давида Комнина: *Heisenberg A. Neue Quellen...* Bd. 2. S. 27, ср.: *Vasiliev A.A. Mesarites as a source* // *Speculum*. 1938. Vol. 13. P. 180–181 (A.A. Васильев неточно перевел глагол *υεβει* прошедшим временем, исказив смысл отрывка. Это явно *Futurum*: речь шла не о свершившемся разгроме Давида, а об ожидаемом).

<sup>120</sup> *Villeh.* § 487–490, P. 302–304; *Dölger F. Regesten: 3 Teil*, 1977. N 1675 (после 15 апреля – до 24 июня 1207 г.); *Gerland E. Geschichte...* S. 108; *Longnon J. L'Empire...* P. 99.



заметно возросли: 6 апреля он был коронован в качестве императора Михаилом IV Авторианом, избранным на патриаршую кафедру 20 марта того же года<sup>121</sup>. В 1208 г., как отмечалось выше, никейское духовенство во главе с патриархом присягнуло Феодору I в том, что не будет поддерживать никого из его соперников, включая трапезундских Комнинов. Была одержана победа еще над одним греческим конкурентом – независимым правителем Сампсона Саввой Асиденом<sup>122</sup>. Осенью 1208 г. собиратель греческих земель Феодор I Ласкарь вновь попытался овладеть Пафлагонией и обеспечить выход к Черному морю. Осажденный в Ираклии Давид вновь прибегнул к помощи союзников, находившихся в то время в крепости Памфилии<sup>123</sup>. Император Генрих счел нападение Ласкаря нарушением перемирия и лично отправился в Константинополь, чтобы начать поход в Малую Азию<sup>124</sup>. В октябре 1208 г.<sup>125</sup> быстрым маршем переправившись через Босфор, Генрих стал продвигаться на восток, чтобы отрезать Ласкаря путь к отступлению. Видимо, поход был так неожиданен, что войска никейцев бежали самым поспешным образом, оставив осаду Ираклии. По Анри де Валансьенну, в реках утонуло более 1000 человек. Всего четыре дня не достало латинянам, чтобы пленить Феодора I. Преследование было немыслимо из-за разливов рек и начавшихся ранних холодов<sup>126</sup>, да оно и не имело смысла, коль скоро Ласкарь успел скрыться за стенами Никеи.

События 1209–1213 гг. нам практически неизвестны. Из “Панегирика” Месарита ясно лишь, что Феодор продолжал свои попытки подчинить Пафлагонию как выгодный плацдарм для борьбы с латинянами и турками. Предпринимались набеги на пафлагонскую территорию, опустошались земли, уводился полон, угонялся скот, разрушались небольшие укрепления<sup>127</sup>. Но неизбежно стояли основные твердыни – Ираклия и Амастрида, без взятия которых не была подчинена и область. Разорение территории безусловно способствовало ее покорению. Успех Ласкаря обеспечивали и его победы над сельджуками в битве при Антиохии на Меандре в 1211 г. и отвоевание у них Атталии в 1214 г.<sup>128</sup>

Применялось и другое средство воздействия – через церковную политику контролируемого никейским василевсом Вселенского патриархата. Однако здесь, как кажется, Никея проигрывала. Епископы, назначаемые патриархом в подконтрольные Великим Комнинам земли, не принимались местными правителями, которые справедливо усматривали в них никейских агентов. Давид Комнин, например, “обесчестил ударами плети” и изгнал рукоположенного во епископы Амастридские диакона. Он не желал, чтобы “в его землях епископ был назначен другой властью”<sup>129</sup>.

<sup>121</sup> *Laurent V. La chronologie des patriarches de Constantinople au XIIIe s. (1208–1309) // REB. 1969. T. XXVII. P. 131–133; idem. Les Regestes... Vol. I. Fasc. 4. N 1207.*

<sup>122</sup> До середины 30-х годов XX в. господствовало общепринятое мнение, что Савва был правителем при черноморском Амисе. В независимых друг от друга исследованиях Г. Жерфаньон и П. Оргельс привели серьезные аргументы в пользу того, что византийские историки, описывавшие эти события, имели в виду не Амис, а Сампсон на средиземноморском побережье Анатолии близ Милета. П. Оргельс открыл также патроним Саввы – Асиден: *Jerphanion G., de. Σαμψών et Ἀσίδος. Une ville à déplacer de neuf cents kilomètres // OCP. 1935. T. 1. P. 257–267; Orgels P. Sabas Asidénos, dynaste de Sampson // Byz. 1935. T. X. Fasc. 1. P. 67–80; Vasiliev A.A. The Foundation... P. 24–25; Hoffmann J. Rudimente... S. 64–65.*

<sup>123</sup> *Valenciennes H.de. Histoire de l'Empereur Henri de Constantinople // Publ. par J. Longnon. P., 1948. § 551. P. 51. (Далее: Valenciennes).*

<sup>124</sup> *Ibid. § 551–552. P. 51.*

<sup>125</sup> Дата установлена Ж. Лоньоном: *Valenciennes. P. 52. Not. 4; Longnon J. L'Empire... P. 105; Idem. Sur l'Histoire de l'empereur Henri de Constantinople par Henri de Valenciennes // Romania. 1946. T. LXIX. N 274. P. 198–200.*

<sup>126</sup> *Valenciennes. § 552–554. P. 51–52.*

<sup>127</sup> *Heisenberg A. Neue Quellen... Bd. 3. S. 25–26.*

<sup>128</sup> См.: *Жаворонков П.И. Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211–1216 гг. // ВВ. 1976. Т. 37. С. 48–61.*

<sup>129</sup> *Васильевский В.Г. Epirotica... P. 275; Karpozilos A. The Ecclesiastical Controversy between the Kingdom of Nicaea and the Principality of Epiros (1217–1233). Thessaloniki, 1973. P. 50–51.*

Поставленные Никеей епископы в Херсонес и Сугдею, признавшие, видимо, сюзеренитет Великих Комнинов, были также отосланы назад. Избрания и хиротония епископов на Понте и в Лазике, “которые суть Трапезунд и Неокесария”, осуществлялись местными архиереями Гангр, Керасунта, Неокесарии с ведома светской власти. Патриарх был вынужден уступить<sup>130</sup>.

Но ситуация постепенно складывалась не в пользу Комнинов. Зимой 1212 г. между Латинской империей и никейцами было заключено перемирие, что освободило Ласкарю руки на севере<sup>131</sup>. 13 декабря того же года неожиданно умирает Давид Комнин, принявший перед смертью монашескую схиму с именем Даниила<sup>132</sup>. Воспользовался ли Ласкарь этим обстоятельством сразу же, весной 1213 г., как полагает П.И. Жаворонков<sup>133</sup>, или же Месарит, на которого он ссылается, писал все же о событиях 1214 г., нам неизвестно.

Роковые для Великих Комнинов события, которые и определили будущие условия существования Трапезундской империи, свершились в 1214 г. Этот год и завершил этап формирования собственно Понтийского государства. Удар был нанесен почти одновременно сельджуками и никейцами, вероятно, действовавшими согласованно.

В правление султана Изз ал-дина Кайкауса I (1210–1219) сельджукское государство вновь значительно укрепляется. Его внешняя политика в значительной мере заключалась в территориальной экспансии в Анатолии за счет пограничных христианских государств<sup>134</sup>. Как и его предшественник Кайхусрау I, Изз ал-дин прежде всего лелеял планы получить выход к Черному морю и захватить один из его главных портов. “История сельджуков” Ибн Биби повествует, что с ранней весны 1214 г. султан планировал поход в области Сиваса<sup>135</sup>. Для того чтобы оправдать нападение, были вызваны пограничники из области Синопа, которые принесли весть о нападении “кира Алекси, тегвур<sup>136</sup> Джанита” на владения султана<sup>137</sup>. Такого нападения не могло быть: Синоп уже давно находился в составе Трапезундской импе-

<sup>130</sup> Васильевский В.Г. *Epirotica*... Р. 274–275, 290. Жаворонков П.И. Никейско-трапезундские отношения в 1213–1223 гг. // ВО. 1982. С. 184.

<sup>131</sup> Dölger F. *Regesten*... 3 Teil. 1977. N 1684 (после 13 января 1212 г.); Жаворонков П.И. Никейско-латинские... С. 54–56.

<sup>132</sup> Сведения об этом содержит приписка к Афонской рукописи, Ватопедской псалтири 760 (Cod. Athos. Vator. 760, fol. 294r.). Текст ее гласит: “13 декабря, в четверг, 1 индиктиона 6721 г. скончался благочестивейший Великий Комнин кир Давид, в божественной и ангельской схиме нареченный монахом Даниилом”. Издание с факсимильной вклейкой: *Chrysanthos*. 'H 'Εκκλησία Τραπεζούντος // ΑΠ. 1933 (репринт). Т. 4–5. Σ. 355, 360; *Evangelatou-Notara Ph. Συλλογή χρονολογημένων “σφραγισμάτων” ελληνικών κωδίκων* 13ος Αι. Athenai, 1984. Р. 15. N 49. Анализируя указанную приписку о пострижении и смерти Давида в контексте событий того времени, Р.М. Шукуров сделал смелое предположение о том, что Алексей I вынудил своего младшего брата Давида, якобы претендовавшего на трон, принять постриг в далеком афонском монастыре. Аргументация не представляется нам доказательной, несмотря на всю оригинальность и остроумие гипотезы, ибо нет оснований считать, что приписка обязательно была сделана на Афоне, равно как и сама рукопись, которая могла быть привезена туда в более позднее время, учитывая тесные связи Понта с Афоном особенно со второй половины XIV в. Необходимо в этой связи обратить внимание на анализ миниатюр рукописи и вывод В.Н. Лазарева. Он полагает, что манера письма указывает на Анатолию (*Лазарев В.Н. История Византийской живописи*. М., 1986. Т. 1. С. 125). Кроме того, и в случае менее вероятного афонского происхождения приписки, нельзя исключить, что она фиксирует просто полученное откуда-то сведение (*Shukurov R. How Did the Grand Komnenos David Become a Monk* (в печати).

<sup>133</sup> Жаворонков П.И. Никейско-трапезундские... С. 184–185.

<sup>134</sup> Savvides A.G.K. Byzantium's Oriental Front in the First Part of the Thirteenth Century: the Empires of Nicaea and Trapezous (Trebizond) in View of the Seljuk and Mongol Menace // ΔΙΠΤΥΧΑ. 1982/83. Т. 3. Р. 168.

<sup>135</sup> *Ibn Bibi. Die Seldschukengeschichte* / Hrsg. von H.W. Duda. Kopenhagen, 1959. S. 64; Мелиоранский П. Сельджук-намех как источник истории Византии в XII и XIII вв. // ВВ. 1894. Т. 1. С. 631.

<sup>136</sup> *Тегвур, текфур* – титул, применяемый мусульманскими авторами к византийским правителям, включая императоров и владетельных династов. См.: Savvides A.G.K. “Текфур”: οι Χριστιανοί ηγεμόνες και στρατιωτικοί αρχηγοί του Βυζαντινοτουρκικού μετώπου (13ος-15ος αιώνας) // Βυζαντιακά. 1997. Т. 17. Σ. 367–377.

<sup>137</sup> *Ibn Bibi. С. 64; Мелиоранский П. Сельджук-намех... С. 632; ср.: Шукуров Р.М. “Новый Манцикерт” императора Феодора I Ласкариса // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 413.*

рии, а император Алексей в то время беспечно охотился в своих владениях с 5 сотнями всадников, как о том написал сам Ибн Биби<sup>138</sup>. Мнимый инцидент нападения был использован для воодушевления эмиров, воспламенившихся желанием опустошить поля и земли злодея “серпом насилия”<sup>139</sup>. Впрочем, поводом для нападения, как полагают М. Куршанскис и Р.М. Шукуров, могло быть какое-то вмешательство трапезундцев в династические распри сельджукских султанов на стороне мятежного брата царствующего султана Изз ал-дина – Ала ад-дина Кай Кубада в 1211 – начале 1214 г., оставившие весьма туманный след в источниках<sup>140</sup>.

Целью похода был Синоп. Султан собирал о нем информацию у сведущих людей. Получаемые ответы не утешали его: город нельзя было взять неожиданным приступом; стены его были крепки и требовалась длительная осада, чтобы, блокировав его с суши и с моря, уморить гарнизон голодом. Военный совет разработал план: опустошать округу систематическими набегами в течение нескольких лет, уводить жителей в полон, т.е. использовать ту же тактику, что и Ласкарь в Пафлагонии. На следующий день султан выступил в поход. Быстрому осуществлению его цели помогла случайность: Алексей I вместе со своей свитой попал в плен во время охоты. Милостиво приняв пленника, султан не раскрыл ему своих планов, пока его войско не окружило Синоп. Лишь затем он потребовал от “тегвур” послать в город одного из его “эмиров”, чтобы склонить Синоп к капитуляции от имени императора<sup>141</sup>. Алексей был вынужден сделать это, но жители ответили его послу, что не собираются сдаваться: “Если кир-Алекси в плену, у него есть благородные сыновья. Одного из них мы сделаем своим господином и не отдадим этой земли мусульманам”<sup>142</sup>. Вторичное посольство также не имело успеха. Тогда султан приказал попытать Алексея перед стенами Синопа. На второй день мучений, когда император был подвешен вниз головой, обороняющиеся попросили прекратить пытку и прислать для переговоров “вестника от тегвур”. Город был сдан на условиях свободного отъезда императора в свои земли, дарования жизни и имущества всем жителям и разрешения им свободно уйти, куда они пожелают. Сдаче способствовало и сожжение синопских кораблей сельджуком военачальником Бахрамом Таранблуси<sup>143</sup>. В субботу, 1 ноября 1214 г. над Синопом был поднят флаг султана<sup>144</sup>. Находящиеся в городе 30 латин-

<sup>138</sup> Ibn Bibi. S. 64; Мелиоранский П. Сельджук-намах... С. 633.

<sup>139</sup> Ibn Bibi. S. 64.

<sup>140</sup> Kuršanskis M. L'Empire de Trébizonde et les Turcs au 13e siècle // REB. 1988. Т. 46. Р. 112; Шукуров Р.М. “Новый Манцикерт”... С. 414–416.

<sup>141</sup> Ibn Bibi. S. 64–66; Мелиоранский П. Сельджук-намах... С. 632–634.

<sup>142</sup> Ibn Bibi. S. 66; Мелиоранский П. Сельджук-намах... С. 634. Турецкая версия содержит дополнения о том, что у Алексея были в Джаните и Трапезунде взрослые и способные управлять сыновья. В 1214 г. Алексею I было, по Панарету, 32 года (Panaretos. P. 61.4–5). По источникам достоверно известен один сын Алексея – Иоанн I Аксук и одна дочь, жена Андроника Гида, ставшего преемником Алексея I (Panaretos. P. 61.7–13). Возможно, сыновьями Алексея были также Иоанникий, принявший монашество в 1238 г., и Мануил, тогда же коронованный императором. Но Иоанн Аксук, которого Панарет называет первородным (Ibid. P. 61.12) был еще ребенком. Это обстоятельство заставляет усомниться в точности версий Ибн Биби, так как в любом случае старший из его сыновей в 1214 г. был малолетним, если он считался таковым и в год смерти отца, в 1222 г.

<sup>143</sup> Шукуров Р.М. “Новый Манцикерт”... С. 419.

<sup>144</sup> Ibn Bibi. S. 66–67; Мелиоранский П. Сельджук-намах... С. 634–635: дата 26 джуммадия 611 г. Она подтверждается надписью на башне Синопа, сделанной по-арабски и по-гречески при ее постройке в сентябре 1215 г. Первая часть греческой надписи гласит: 1 ноября, в субботу крепость (κἀστρόν) Синопа была взята великим султаном Азатином Кайкауsom”; Bees A.N. Die Inschriftenaufzeichnung... S. 53–54; Heisenberg A. Neue Quellen... Bd. 3. S. 71–72; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Washington, 1985. Т. 1. (Dumbarton Oaks Studies, XX). Т. 1. Р. 71–72. О взятии Синопа сообщил и сирийский хронист Григорий Абульфарадж Бар Эбрайя: “В 611 г. арабов султан Иззаддин Кейкауc взял Синоп, который на берегу Понтийского моря, и убил его господина кир Аликса” (Bar Hebraeus The Chronography of Gregory Abu'l Faraj, the Son of Aaron, the Hebrew Physician, Commonly Known as Bar Hebraeus / Ed. E.A.W. Budge. L., 1932 (repr. 1976). Vol. 1. P. 369). Очевидно, Бар Эбрайя ошибается, говоря о смерти Алексея, но он точно определяет правителя (Алексей, а не Давид). К этому же событию следует отнести и сообщение “Мусульманских анналов” Абульфиды о пленении султаном в 611 г. некоего Ascharius – Ласкаря. Арабский историк и географ XIV в. смешивает Феодора Ласкаря с Алексеем Комнином, хотя ему было хорошо известно, что именно Ласкарь убил в бою султана Кей Хюсрей I. Abulféda. Annales // RHC, NO. Т. 1. Р., 1872. Р. 87. См. также: Fallmerayer J.-Ph. Geschichte... S. 96–99; Vasiliev A.A. The Foundation, P. 28–29.

ских наемников или союзников Алексея были преданы мучительной казни – с них, если верить анонимному сельджукскому источнику начала XIV в., живьем содрали кожу<sup>145</sup>. В качестве дополнительных условий своего освобождения по договору Алексей I был обязан ежегодно выплачивать за Джанит дань 10 000 золотых динаров, доставлять 500 лошадей, 2000 коров, 10 000 баранов, 50 тюков разных товаров и предоставлять султану, в случае необходимости, отряд вспомогательных войск. Представители знати обеих сторон подписали договор в качестве свидетелей<sup>146</sup>. Если Ибн Биби не преувеличил (а он, вероятно, имел текст договора, занимая позже пост государственного секретаря)<sup>147</sup>, условия были крайне тяжелы для Трапезундской империи, хотя, как кажется, дань выплачивалась не за всю ее территорию, а за признаваемый вассальным Джанит.

Султан придал приобретению Синопа особое значение. Он издал указ об отправке в город по одному состоятельному купцу из всех подвластных ему городов. Для налаживания морской торговли не жалели денег: перемещенные купцы получали из султанской казны полную компенсацию за недвижимое имущество. Принимались меры для возвращения в город ушедшего населения. Во все столицы мусульманского мира, включая Багдад, были посланы гонцы с известиями о радостном событии<sup>148</sup>. От падения Синопа Трапезундская империя теряла вдвойне, приобретая торгового конкурента и политического соперника.

Сразу вслед за Кай Ка'усом на захват пафлагонских владений Трапезундской империи выступил и Феодор Ласкарь. После смерти Давида<sup>149</sup> Пафлагония, вероятнее всего, находилась в прямом управлении из Трапезунда. Когда сельджуки напали на Джанит, она оказалась фактически изолированной. Месарит сообщает, что в это время находящийся в Никее Феодор Ласкарь получил "радостную весть", касающуюся Алексея Комнина<sup>150</sup>. Как писал Месарит, Феодор сразу бы отправился в Паф-

<sup>145</sup> Шукуров Р.М. "Новый Манцикерт"... С. 420.

<sup>146</sup> Ibn Bibi. S. 67; Мелиоранский П. Сельджук-намах... С. 636. В турецкой версии отличия: 12 тыс. золотых, 50 тюков товаров. Абульфид также сообщает, что пленник был выкуплен за большую сумму денег и уступку нескольких крепостей и городов: *Abulféda. Annales...* P. 87.

<sup>147</sup> Известно, что он и лично составлял документы для султанской канцелярии: Ibn Bibi. S. 343.

<sup>148</sup> Ibn Bibi. S. 68–69; Мелиоранский П. Сельджук-намах... С. 637. Турецкий перевод отмечает взятие города франками, возможно, путая это событие с последующими.

<sup>149</sup> Акрополит и другие зависящие от его сочинения источники указывают, что Ласкарь вырвал Пафлагонию именно из рук Давида: *Acrop.* P. 18, 209; Σύνοψις Χρονική ... Σ. 453; *Ephraem Aenii Historia...* P. 268. 7556–7561. Однако ныне известно, что Давид умер двумя годами ранее. Ошибка Акрополита, писавшего значительно позднее, проистекала от того, что завоевание Пафлагонии и борьба за нее у современников персонацифировалась с именем Давида. Часто повторяемое в научной литературе прошлых лет положение, что Давид погиб при обороне Синопа следует исправить еще и потому, что Синопом владел не Давид, а Алексей. Ср.: *Fallmerayer J.-Ph. Geschichte...* S. 96–99; *Finlay G.A. History...* Vol. IV. P. 326; *Гельцер Г. Очерк...* С. 171; *Miller W. Trebizond...* P. 18; *Успенский Ф.И. История...* С. 480; *Vasiliev A.A. The Foundation...* P. 26; *История Византии...* Т. 3. С. 55; *The Cambridge Medieval History. Vol. IV/1.* P. 300–301; *Bratianu G.I. La Mer Noire. Des origines à la conquête ottomane.* Münschen, 1969. P. 180–181; *Janssens E. Trébizonde...* P. 70 и др.

<sup>150</sup> Месарит сообщает о походе сельджуков и бедах Алексея дважды: в первый раз, говоря о гонце, прибывшем из северных климатов в Никее с хорошими для никейцев вестями об их враге Алексее (текст рукописи в этом месте оборван), во второй – через несколько страниц – о радостной вести, после которой Ласкарь выступил в поход на Пафлагонию: *Heisenberg A. Neue Quellen...* Bd. 3. S. 117–15; 18.14–25. П.И. Жаворонков, предполагает, что фактически Ласкарь совершил две краткосрочных экспедиции, в конце сентября – начале октября и в конце октября – 11 ноября, считая, что первое свидетельство касалось пленения Алексея сельджуками, а второе – "нападения султана на Трапезунд" (Жаворонков П.И. Никейско-трапезундские... С. 185–186). В этом случае, однако, нарушается логика повествования Месарита и более позднее событие (пленение) помещается раньше последующего выступления войска сельджуков, притом, не на Трапезунд, а лишь на область Джанита). Текст Месарита не дает оснований предполагать, что Ласкарь прерывал поход, начатый в конце сентября, и возвращался в Никее. Фразу о покорении земли пафлагонов одним военным кличем за 7 дней нельзя рассматривать иначе, нежели риторический прием и видеть в ней нечто большее указания на краткосрочность экспедиции. Она и была таковой, продлившись около полутора месяцев. Итак, мы принимаем как более обоснованную традиционную точку зрения, что в сентябре–ноябре 1214 г. Ласкарь предпринял один, а не два похода на Пафлагонию. Такого же мнения придерживается и Р.М. Шукуров в недавней публикации: Шукуров Р.М. "Новый Манцикерт"... С. 418.

лагонию, сев на коня, но его задержали церковные дела: 26 августа 1214 г. скончался патриарх Михаил IV Авториан, и выборы нового патриарха были затруднены из-за разногласий. Присутствие императора было необходимо для поддержания “церковного мира”<sup>151</sup>. Наконец, 28 сентября был избран и интронизирован новый патриарх Феодор II Ириник (1214–1216)<sup>152</sup>, и Ласкарь смог начать поход в Пафлагонию столь стремительно, что “едва даже вкусил пищу”<sup>153</sup>. Очевидно, что полученная в Никее радостная весть не могла касаться взятия Синопа: он был сдан лишь 1 ноября 1214 г. Сомнительно, чтобы радостной была названа и весть о выступлении сельджуков против тех территорий, на которые претендовал и сам Ласкарь, недаром он столь поспешно двинулся в поход. Очевидно, речь шла о пленении Алексея; нельзя было не воспользоваться ослаблением трапезундского соперника и дать возможность туркам осуществить захват территорий в Пафлагонии.

Экспедиция Ласкаря началась в конце сентября – начале октября 1214 г. и была весьма непродолжительной, до конца октября. Никейцы взяли основные укрепления Пафлагонии – Ираклию и Амастриду вместе с другими городами и крепостями<sup>154</sup>. Император Генрих на сей раз не оказал помощи пафлагонцам: его союзника и вассала уже не было в живых, а с Алексеем его не связывали соглашения. Кроме того, в 1212 г. он заключил перемирие с Феодором I. Вскоре Ласкарь заключил договор с Латинской империей, подтвердивший условия этого перемирия со значительными уступками Генриху. Пафлагония была одной из компенсаций за них<sup>155</sup>.

Через небольшой промежуток времени борьба за Пафлагонию возобновилась. В начале зимы 1214/1215 г. Феодору опять пришлось отправиться в Ираклию из-за того, что в Пафлагонии, по Месариту, “еще шевелило хвостом змеинное исчадие”<sup>156</sup>. Видимо, заключив мир с турками, Алексей попытался продолжить борьбу, но после потери ключевых крепостей и Синопа как связующего звена она была безнадежна. Это и определило поражение в ней Трапезундской империи.

Вместе с тем, и для Никей выход иконийцев к морю в исторической перспективе был стратегическим поражением, а распад малоазийского эллинизма на два отдаленных анклава привел к потере византийцами Северо-Западной Анатолии и решающим успехам тюркизации<sup>157</sup>. Кроме того, завоевание Ласкарем Пафлагонии, на которую претендовали и сельджуки, почти немедленно обострило отношения между Никеей и Иконием. Месарит отмечал, что после таких приобретений никейский василевс стал весьма опасен для соседей<sup>158</sup>. Той же зимой иконийские турки совершили набег на никейские земли, вплоть до р. Сангарий, но были остановлены греческими воинами<sup>159</sup>.

Итак, после 1215 г. Трапезундская империя простиралась с запада на восток от Термодонта до Чороха. Она была отделена от никейской территории сельджукскими владениями, локализовалась в собственно понтийской области и вышла из борьбы за восстановление Византии, став самостоятельным греческим государством, что не означало, однако, отказа от идеологических претензий Великих Комнинов на роль общевизантийских василевсов<sup>160</sup>. Ресурсы империи и роль ее городов в ме-

<sup>151</sup> Heisenberg A. Neue Quellen... Bd. 3. S. 18.

<sup>152</sup> Laurent V. La chronologie... P. 133–134.

<sup>153</sup> Heisenberg A. Neue Quellen... Bd. 3. S. 19.1.

<sup>154</sup> Heisenberg A. Neue Quellen... Bd. 3. S. 19, 26; Acrop. P. 18, 209; Σύνοψις Χρονικῆς ... Σ. 453; Ephraem Aenii Historia... P. 268. 7556–7561 (Ефрем дополняет известия Акрополита данными о захвате городов Китор и Кромны).

<sup>155</sup> Жаворонков П.И. Никейско-латинские... С. 54–61.

<sup>156</sup> Heisenberg A. Neue Quellen... Bd. 3. S. 33.

<sup>157</sup> Подробное и справедливое, на наш взгляд, обоснование этого приведено в ст.: Шукуров Р.М. “Новый Манцикерт”...

<sup>158</sup> Heisenberg A. Neue Quellen... Bd. 3. S. 26.

<sup>159</sup> Ibid. S. 33.

<sup>160</sup> Ср.: Varzos K. La politique dynastique des Comnènes et des Anges, la prédiction AIMA (sang) et l'héritage des Grand Comnènes de Trébizonde et des Anges-Comnènes-Doukas d'Épire face au Lascarides de Nicée // JOB. 1982. Bd. 32/2. S. 355–360.

ждународной торговле обеспечили ей устойчивое развитие и важное место среди стран региона. Внутренние факторы, консолидирующие государство и дававшие ему социальную опору, должны были найти подкрепление и в устойчивой и привлекательной государственной идеологии. Она основывалась, естественно, на византийских традициях, черпала арсенал понятий и знаковых символов из комниновской и докомниновской практики, опиралась на общие религиозные основы и атрибуты и на культ местных святых. Она должна была закрепить легитимность императорской власти рода Комнинов на Понте, а временами и во всей византийской ойкумене. Этого не могло не произойти без острой конфронтации с другими претендентами на византийское наследие, прежде всего Никеей, а затем – Палеологовской Византией.

Представления о власти в Византийской империи черпались из обширного набора политико-правовых идей античности и христианства. В сформированном, общепризнанном и юридически оформленном виде они составили государственную идеологию империи (термин, на наш взгляд, более точный, чем “политическая идеология”). Ее важными компонентами были представления о вселенском, универсальном характере богоизбранной империи ромеев, воплощении в ней божественного порядка, таксиса, о сакральности власти императора-самодержца (автократора), о неограниченности его полномочий и, вместе с тем, их строгом соответствии законам. В числе этих представлений была и тесная неразрывная связь государя с Царственным градом, Константинополем. Только тот, кто владел столицей, владел ойкуменой. Постепенно, несмотря на существовавшую в теории идею выборности государя синклитом и народом, укореняются представления о необходимой знатности монарха, его связи с правящей династией, наличия у него царственных предков. В теории были свои обязательные и лишь желательные составляющие. Так, например, если принадлежность к царственной династии была лишь желательной для воцарявшегося, мысль о возможности двух независимых василевсов ромеев, если они только не были соправителями, не допускалось. Представление о единстве империи было одним из наиболее устойчивых, и претензии на самодержавное правление в отдельных частях ромейской державы не могло рассматриваться иначе, чем узурпация любого, правившего вне Константинополя<sup>161</sup>. Так было до 1204 г. Великая катастрофа, падение столицы империи породила и глубочайший кризис государственной идеологии.

Борясь за византийское наследие, трапезундские Комнины, как и их никейские или эпирские соперники, поначалу исходили из прежних универсалистских представлений, опирались на единую идейную традицию и решали одну и ту же задачу: каким образом оформить императорскую власть, не обладая “театром ойкумены”, Царственным градом, захваченным вообще неромейским правителем? Они выбрали в целом один и тот же вариант: создания “вторых” Константинополей в Никее, Трапезунде или даже в Тырново (ибо и болгарский царь принял участие в возможной “реконкисте”)<sup>162</sup>. И здесь они были в разных условиях. Никейские правители вскоре смогли опереться на авторитет Вселенского патриарха, что значительно усилило их позиции. Для трапезундских Комнинов один из аргументов в борьбе за симпатии греческого населения Малой Азии был ясен, и они сделали ставку на него: только они были прямыми потомками и наследниками по мужской линии константинопольских Комнинов, притом незапятнанными себя связями с непопулярной и ответственной за катастрофу династией Ангелов, как Ласкари или Дуки. Прини-

<sup>161</sup> См. подробнее: *Ahrweiler H.* L'idéologie politique de l'Empire Byzantin. P., 1975; *Karayannopoulos I.E.* Η πολιτική θεωρία των Βυζαντινών. Thessaloniki, 1988; *Pertusi A.* Il pensiero politico bizantino / Ed. a cura di A. Carile. Bologna, 1990; *Irmscher J.* Il pensiero politico a Bisanzio // Lo spazio letterario della Grecia Antica. Roma, 1995. Т. 2. Р. 529–561; *Каждан А.П.* Византийская культура (X–XII вв.). СПб., 1997. С. 102–124; *Культура Византии.* М., 1984–1991. Т. 1–3 (главы о политической мысли).

<sup>162</sup> См. подробнее: *Карпов С.П.* После 1204 г.: Трапезунд – второй Константинополь?.. С. 135–143.

мая такой же титул, как и византийские государи (“NN во Христе Боге верный царь и автократор ромеев”), Алексей и Давид добавили к эпониму Комнин слово “Великий”, для обозначения старшинства своего рода, своей генеалогической линии среди других претендентов<sup>163</sup>. В полемике с ними противники апеллировали к тому, что их непосредственным прародителем был тиран Андроник I, называя трапезундских Комнинов “ехидниным исчадьем”<sup>164</sup>. Но этот аргумент не снимал легитимной правоты династических притязаний Алексея и Давида.

И если возврат к идеям старой императорской идеологии был простым и естественным, то поиск “своего” культа, объединяющей идеи был сложен. Мы знаем об этом по немногим отрывочным и косвенным данным, в первую очередь – по печатам и монетам первых Великих Комнинов.

Печати Алексея I до недавнего времени не были известны. В 1963 г. на трапезундском акрополе был найден моливдовул с изображением на лицевой стороне полководца в воинских доспехах и островерхом шлеме, которого за руку ведет св. Георгий. Надпись над изображением полководца гласит: “Алексей Комнин”. На обратной стороне мы видим сцену Воскресения, сошествия Христа во ад, более традиционную для печатей архиереев<sup>165</sup>. Такой же (этот же?) моливдовул из коллекции известного ученого и собирателя Георгия Закоса был продан в 1998 г. на аукционе Спинк в Лондоне<sup>166</sup>. Образы печати выбраны безусловно не случайно и отражают как официальную “идею”, так и памятные или важные для владельца события или обстоятельства. События эти связаны с военной кампанией или походом – св. Георгий как бы вводит одержавшего победу государя в крепость или в город, жестом левой руки открывая ворота или представляя владельца печати небесному покровительству. Из текста “Трапезундской хроники” Михаила Панарета нам известна самая выдающаяся победа Алексея – его вход в Трапезунд в апреле 6712 (1204) г.<sup>167</sup> Более точную дату он не сообщает. В 1204 г. Пасха – праздник Воскресенья – приходилась на 25 апреля, а день памяти великомученика Георгия Победоносца – на 23 апреля. Не связаны ли с двумя этими датами главные события в жизни Алексея и в истории Трапезундской империи: его вступление в город и провозглашение императором? В конце апреля он уже мог знать о захвате 12–13 апреля крестоносцами Константинополя и бегстве Алексея V Мурзуфла, что давало ему основание для прямых претензий на византийский трон. Появление на печати св. Георгия могло быть связано и с его особым почитанием как византийскими Комнинами, так и грузинскими Багратидами, игравшими немалую роль в утверждении Алексея на престоле. Примечательно в этой связи, что на медных монетах трапезундских Комнинов XIII в. также изображен св. Георгий<sup>168</sup>.

<sup>163</sup> См.: *Карпов С.П.* У истоков политической идеологии Трапезундской империи...

<sup>164</sup> О злосчастном правлении (ἐπὶ τῆς ... δυσδαίμονος βασιλείας) Андроника писали многие современники, в том числе и сочувствовавший в целом Комнинам Евстафий Солунский: *Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica* / Ed. S. Kyriakidis. Palermo, 1961. P. 3.2–3. О полемике подробнее см.: *Карпов С.П.* Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII–XV вв. // ВВ. 1973. Т. 35. С. 154–164.

<sup>165</sup> Не очень четкая фотография печати была опубликована в греческой газете “Катимерини”: *Σταυροφορίες // Η Καθημερινή κυριακή*. 1/XI 1998. P. 21. Очень близкое изображение сцены Воскресения встречается, например, на моливдовулах латинского патриарха Иерусалима Амальрика (1157–1180): *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока / Сост. и автор коммент. В.С. Шандровская. М., 1991. С. 172–173. Табл. LXIX. N 134; Spink. Auction 132. Byzantine Seals from the Collection of George Zacos. Part 2. London, Tuesday 25 May 1999. N x145-x147. P. 20–21.

<sup>166</sup> Spink. Auction 127. Byzantine Seals from the collection of George Zacos. Part 1. London, Wednesday, 7 October. 1998. N 93. P. 48–49. За информацию и фотокопию каталога сердечно благодарю проф. Ж.-К. Шене (Париж). Издатели каталога не отождествили Алексея Комнина с трапезундским императором или каким-либо другим представителем Комниновской династии.

<sup>167</sup> Panaretos. P. 61.4–5.

<sup>168</sup> *Kurşanskis M.* Une nouvelle monnaie de l'Empire de Trébizonde // *Revue Numismatique*. Ser. 6. 1972. T. 14. P. 269–270 (медная монета сына Алексея I, Иоанна I Аксуха, 1235–1238); *Соколова И.В.* Медные монеты Трапезундской империи из собрания Эрмитажа // НЭ. 1984. Т. 14. С. 69–70 (монеты Иоанна I и Георгия, 1267–1280).

Печати брата Алексея I, Давида, напротив, известны давно и основательно изучались. На одной из них изображен царь Давид на троне. Надпись на обороте гласит: “Царь Давид, сделай незыблемой силу писем Давида Комнина, царского внука”. Здесь примечательно лишь подчеркивание уже упомянутой нами линии родства и вполне традиционное обращение к святому, покровителю владельца. Никаких указаний на возможные события или на особую символику нет<sup>169</sup>. Другая печать породила научную дискуссию. На ней изображен в рост св. Елевферий, а надпись гласит: “Давида Порфирородного слова утверди Елевферий, святитель Божий”<sup>170</sup>. Первый исследователь печати Н.П. Лихачев без колебаний отнес печать к брату основателя Трапезундской империи Давиду и отождествил Елевферия как священномученика, епископа Иллирийского, “совместив” этого святого с другим, кубикularioм Максимиана, погребенным в Тарсе. Н.П. Лихачев не привел каких-либо объяснений причин появления изображения этого святителя на понтийской печати. В. Лоран отнес моливдовул к 1205–1206 гг. и интерпретировал имя Елевферия согласно его прямой символике – “Освободитель”, полагая, тем самым, что так Давид хотел выразить свои цели – освобождения Понта и Византии. Э. Брайер посвятил детальное исследование этому сюжету. По его мнению, св. Елевферий из Тарсии (области на р. Сангарий, севернее Плусиады) был выбран для печати как патрон ключевого района, оспариваемого в борьбе между Ласкарем и Давидом в 1205–1208 гг. Э. Брайер настаивал на независимости действий Давида от брата в его планах выйти к Константинополю. Д.И. Коробейников предложил недавно другую интерпретацию. Печать Давида с изображением св. Елевферия Тарсийского, чья память отмечается 15 декабря, возможно, говорит об одной из побед Давида, приходившейся на эту дату, вероятно, снятии осады с Ираклии Понтийской Ласкарем (при помощи отряда латинян) в 1206 г.<sup>171</sup> Ни одну из гипотез нельзя исключить, но ни одна из них – не больше, чем предположение, допускающее и другие версии. С очевидностью можно говорить лишь об одном: Великие Комнины “искали” своего святого патрона, паладиум своего государства. И св. Елевферий, как кажется, не был случайным в этом поиске. Неизвестная до недавнего времени печать Катакалона Гавры (второй половины XII в.) также имела на аверсе изображение этого святого, притом тоже в рост, в омофоре и с Евангелием<sup>172</sup>. Катакалон Гавра не известен нам из других источников. Ясна лишь его принадлежность к понтийскому роду, но все более очевидным представляется какая-то, непонятная до конца, связь этого святителя со знатными понтийскими правящими семьями.

В качестве патрона и защитника своей державы Великие Комнины рассматривали и Богородицу<sup>173</sup>, и св. Георгия, и пророка Давида, и св. Евгения, и Елевферия Тарсийского... Поразительно, но на этом этапе в такой роли не фигурировал основной истинно местный святой воин Феодор Гавра. Причин тому, наверное, было две. Созвучие имени святого главному врагу – Феодору Ласкарю и, что важнее, иной смысл идеологических устремлений Комнинов в этот ранний период: не создание

<sup>169</sup> См. подробнее: *Карпов С.П.* У истоков политической идеологии Трапезундской империи... С. 103–105; *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока. С. 289–294.

<sup>170</sup> *Laurent V.* Sceau inédit de David Comnène, libérateur du Pont et co-fondateur de l'empire de Trébizonde // АП. 1954. Т. 19. Э. 150–160; *Карпов С.П.* У истоков политической идеологии Трапезундской империи... С. 105. Примеч. 20; *Bryer A.* David Komnenos and Saint Eleutherios // АП. 1988–1989. Т. 42. Р. 161–188; *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока. С. 77–78.

<sup>171</sup> *Коробейников Д.И.* Северная Анатолия... С. 208–209.

<sup>172</sup> *Spink.* Auction 135. Byzantine Seals from the collection of George Zacos. Part 3. London, Wednesday, 6 October 1999. N x-288. Р. 63.

<sup>173</sup> Видимо, следуя византийской традиции, Андроник I чеканил изображение Богородицы на троне и Оранты на своих медных монетах: *Metcalf D.M., Roper I.T.* A Hoard of Copper Trachea of Andronicus I of Trebizond (1222–1235) // *Numismatic Circular.* 1975. Т. LXXXIII. N 6. Р. 237–238; *Vegler A., Millas A.* Copper Coins of Andronicus I, Comnenus Gidon (1222–1235) // *Numismatic Circular.* 1977. Т. LXXXV. N 11. Р. 487–488; *Bendall S.* Andronicus I of Trebizond // *Numismatic Circular.* 1980. Т. LXXXVIII. Р. 400–401.



местного Понтийского государства, а реставрация византийской монархии. Для этой цели местный трапезундский святой, к тому же оспаривавший власть у константинопольских прародителей Великих Комнинов, подходил мало.

Выбор покровителя державы был сделан после утраты Пафлагонии и Синопа. Когда стало ясно, что предстоит создавать “местную империю” склонились к обоснованию и воссозданию культа св. Евгения. И хотя основа всеобъемлющего почитания святителя была создана в царствование Алексея II и Алексея III, уже на первых известных серебряных аспрах Великих Комнинов, Иоанна I (1235–1238) и Мануила I (1238–1263), равно как на медных монетах Мануила и Георгия (1266–1280) помещается изображение св. Евгения<sup>174</sup>. Оно станет затем неотъемлемым для всех последующих типов монет Трапезундской империи.

С потерей надежды на восстановление Византии под скипетром Великих Комнинов и превращением Трапезунда в столицу империи в нем возводятся или реконструируются храмы, которые должны были символизировать и освящать новую империю. Особое значение придавали постройке и украшению храма Св. Софии. В то время как Константинопольская София была в руках “латинян”, трапезундская мыслилась как ее аналог и символ. Для нее выбрали место на возвышенном месте от моря, храм поставили на высокий подиум (уникальная черта в византийской архитектуре), интерьер и наружные стены украшали лучшие мастера по особой своеобразной живописной программе. Ктиторм и строителем был император Мануил I, в правление которого были достигнуты немалые внешнеполитические успехи, раздвинуты границы империи. В 1214–1235 гг., по данным Э. Брайера, в Трапезунде полностью перестраивается храм Богородицы Златоглавой (Хрисокефал). Он превращается в место коронации и погребения императоров, для чего в нем были устроены метаторий, галереи и амвон в центре храма, что позволяло служить особую литургию при коронации василевса<sup>175</sup>. Широкое городское строительство, возведение нового пояса крепостных стен, новых храмов – все это должно было придать Трапезунду облик столицы.

Создавая новую империю, трапезундские императоры по существу не пересматривали старую универсалистскую византийскую концепцию. Они воссоздавали на Понте “малую Византию”, не считая, вплоть до 1282 г., своих соперников подлинными василевсами. Вместе с тем, после 1214 г. политическая реальность четко указала им ориентир на консолидацию власти именно и только на Понте. Так св. Евгений и стал символом и защитником его родины и династии Великих Комнинов.\*

<sup>174</sup> Retowski O. Die Münzen der Komnenen von Trapezunt // Нумизматический сб. М., 1911. Т. I. С. 113–302; Mattingly H. The Platana Hoard of Aspers of Trebizond // Proceedings of the Royal Numismatic Society. Numismatic Circular, 5<sup>th</sup> Series. 1939. Vol. 19. Pt. 2. P. 120–127; Соколова И.В. Медные монеты Трапезундской империи...; Она же. Трапезундские аспры с именами Мануила I и Иоанна II Комнинов // НЭ. 1974. Т. XI. С. 129–143.

<sup>175</sup> Bryer A. Une église “à la demande du client” à Trébizonde // Proche-Orient Chrétien. 1982. Т. 32. P. 216–232.

\* Исследование поддержано грантом РГНФ (00-01-001080).